

ИГОРЬ ВОЛГИН

НИЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Четыре круга Достоевского

Игорь Волгин. Сочинения в семи томах

Игорь Волгин

**Ничей современник.
Четыре круга Достоевского.**

«Нестор-История»

2019

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Волгин И. Л.

Ничей современник. Четыре круга Достоевского. /
И. Л. Волгин — «Нестор-История», 2019 — (Игорь Волгин.
Сочинения в семи томах)

ISBN 978-5-4469-1617-7

В книге, основанной на первоисточниках, впервые исследуется творческое бытие Достоевского в тесном соотнесении с реальным историческим контекстом, с коллизиями личной жизни писателя, проблемами его семьи. Реконструируются судьба двух его браков, внутрисемейные отношения, их влияние на творческий процесс. На основе неизвестных архивных материалов воссоздаётся уникальная история «Дневника писателя», анализируются причины его феноменального успеха. Круг текстов Достоевского соотносится с их бытованием в историко-литературной традиции (В. Розанов, И. Ильин, И. Шмелёв). Аналитическому обзору и критическому осмыслению подвергается литература о Достоевском рубежа XX–XXI веков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-4469-1617-7

© Волгин И. Л., 2019
© Нестор-История, 2019

Содержание

От автора	6
Часть I. В кругу России	7
«Дневник писателя» как исторический феномен	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	39
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Игорь Леонидович Волгин
Ничей современник.
Четыре круга Достоевского

© Волгин И., 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

От автора

Выступая с трибуны I Съезда советских писателей (1934), где Достоевский был аттестован М. Горьким как «злой гений наш», другой оратор (В. Шкловский) постарался по мере сил наполнить эту сентенцию реальным содержанием: «...что если бы сюда пришёл Фёдор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменников».

Очевидно, «наследники человечества», коими мнили себя участники съезда, намеревались призвать к ответу автора «Бесов» за его отказ от идеалов собственной юности и, *следовательно*, от идеалов гуманизма. Правда, наряду с этой интересной (и типичной для своего времени) гипотезой существует другая, причисляющая Достоевского как раз к числу «добрых гениев» и полагающая его едва ли не самым глубоким выразителем тайн мирового сознания.

Достоевский столь же разнолик, сколь разнолик и неисчерпаем русский национальный дух. Его творческая природа столь же многообразна, сколь многообразна природа страны, его породившей. В нём сходятся главные линии нашей истории и судьбы.

В этой книге предпринята попытка универсального (насколько это позволяют новейшие гуманитарные стратегии) охвата личности и творчества Достоевского – в их нерасторжимом и сокровенном единстве. Духовное и бытовое существование писателя рассматривается в широком историческом контексте, в тесной связи с общественными и семейными страстями, с восприятием «злого гения» его современниками.

Книга складывается из четырёх частей-кругов, которые внутренне соотносятся друг с другом.

В круге первом речь идёт об уникальном, единственном в своём роде явлении отечественной литературы и журналистики – «Дневнике писателя», о загадке его художественной природы и о его роли в исторической жизни России. Издание этого моножурнала позволило автору «Дневника» стать одной из ключевых национальных фигур и оказывать мощное воздействие на умонастроения русского общества. Кроме того, впервые благодаря огромному читательскому интересу был создан прецедент обратной связи.

В круге втором авторское внимание сосредоточено на некоторых болевых точках художественного мира Достоевского и коллизиях, связанных с восприятием его текстов как публикой, так и властью.

В круге третьем исследуются малоизвестные или вовсе неизвестные сюжеты, сопряжённые с личной жизнью Достоевского и историей его семьи (в том числе – историями двух писательских браков, отношениям с пасынком и т. д.). Здесь же прослежена судьба некоторых членов рода Достоевских – как сопутствовавших писателю, так и родившихся после его смерти.

В круге четвёртом затрагивается ряд интерпретаций Достоевского за последние полвека. Это важно не только для уяснения позднейших оценок его жизни и творчества, но и для характеристики нашего собственного общественного сознания.

Часть I. В кругу России

«Дневник писателя» как исторический феномен

«Дневник писателя» по совокупному объёму не уступает крупнейшим романам Достоевского. По своему литературному типу он не имеет аналогов в истории русской и мировой журналистики. Двух этих указаний было бы достаточно, чтобы оценить значение «Дневника».

Меж тем изучение моножурнала Достоевского до недавнего времени оставалось белым пятном в науке. Не было никакой определённости в том, к какому виду литературы он относится. Действительно, его собственная природа столь необычна, его положение в иерархии литературных жанров столь подвижно и неустойчиво, его историческая репутация, наконец, столь двусмысленна и неопределённа, что невольно возникает вопрос: что есть «Дневник»?

Но прежде всего следует выяснить два, на наш взгляд, ключевых момента:

Историческую природу «Дневника».

Отношение к нему русского общества.

Ниже мы попытаемся показать, что сам способ существования «Дневника» содержателен: он, этот способ, отнюдь не безразличен к художественной природе издания.

Ограничимся, в основном, «Дневником писателя» 1876–1877 гг., т. е. того периода, когда он выходил без перерыва, ежемесячно, как независимый печатный орган.

Глава 1

«И гениальность, и юродство...»

Общий обзор источников

Под именем «Дневник писателя» известны следующие произведения Достоевского: 1. Заметки, публиковавшиеся в качестве отдельной рубрики в журнале «Гражданин» (1873 г.); 2. Самостоятельное ежемесячное издание 1876–1877 гг.; 3. Единственный выпуск (август) за 1880 г.; 4. Возобновлённое периодическое издание 1881 г. (успел выйти только январский номер, поступивший в продажу в день похорон Достоевского).

В 1876 г. вышло одиннадцать выпусков «Дневника» (один двойной); в 1877 г. – десять (два двойных). Объём номера колебался от 25 до 33 страниц (сдвоенные номера – 47 страниц). Текст печатался в две колонки и подразделялся, как правило, на две большие главы, каждая из которых состояла из нескольких малых главков, имевших собственные названия.

«Дневник» совмещал в себе элементы различных печатных жанров. Текст начинался сразу после заголовка, подпись автора стояла в конце каждого выпуска, однако нумерация страниц в течение всего года была сквозная (в 1876 г. – 335 с., в 1877 – 326 с.). По объёму «Дневник» напоминал брошюру, по формату – еженедельную газету, по периодичности – ежемесячный журнал, по признаку авторства – отдельную книгу. Цена одного выпуска равнялась 20 коп. (в 1877 г. в связи с успехом издания она была повышена до 25 коп.), стоимость годовой подписки составляла 2 р. 50 коп.

«Дневник» обычно выходил в последний день каждого месяца (иногда – с большими опозданиями). В конце года ежемесячные выпуски сброшюровывались и продавались в качестве отдельной книги.

Единственным автором, редактором и издателем «Дневника» являлся Достоевский.

После смерти писателя «Дневник» входил во все дореволюционные собрания его сочинений. Все они (кроме 5-го и 8-го) осуществлялись А. Г. Достоевской. Перечислим эти издания, отмечая в скобках тома, которые занимал «Дневник» 1876–1877 гг.: первое (1882–1883) в 14 т. (11, 12), второе (1885) – 6 т. с предисловием Д. Аверкиева (5), третье (1888–1889) в 12 т. с предисловием К. К. Случевского (10, 11), четвертое (1888–1891) в 12 т. с предисловием К. К. Случевского (10, 11), пятое (1894–1895), издание А. М. Маркса, приложение к «Ниве» в 12 т. с предисловием В. В. Розанова (т. 10, ч. I и ч. II, т. 11, ч. I и ч. II), шестое (юбилейное, 1904–1905) в 14 т. с предисловием С. М. Булгакова (11, 12), седьмое в 12 т. (10, 11), восьмое – 1918, изд-ва «Просвещение» в 23 т. (20, 21). Единственное советское издание (до 80-х гг. XX в.), включившее в себя «Дневник писателя», – собрание художественных произведений Достоевского в 13 т. (М.; Л., 1930) под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. «Дневник», которому предпослана вступительная статья В. А. Десницкого, занимает здесь т. 11-й и 12-й. Первое научное издание «Дневника писателя» с подробным историко-литературным комментарием осуществлено в 1972–1990 гг. в составе Полного академического собрания сочинений Ф. М. Достоевского (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде)¹.

Укажем также тексты, не вошедшие в прижизненные издания «Дневника». В начале 1920-х гг. С. А. Переселенков опубликовал запрещённую цензурой главку из январского выпуска (1877 г.)². В 1930 г. В. Л. Комарович обнаружил небольшой фрагмент (о Петербурге) из второй главы майского выпуска 1876 г.³, в 1940 г. А. С. Долинин привёл ещё ряд неопубликованных отрывков⁴.

Автору этих строк удалось обнаружить несколько неизвестных текстов, относящихся к «Дневнику» 1876 г., а также впервые связать тексты, публиковавшиеся ранее, с цензурной историей «Дневника»⁵. Кроме того, им были опубликованы и другие ранее неизвестные, значительные по объёму фрагменты⁶. Укажем также другие публикации⁷.

Первоначально в 86-м томе «Литературного наследия», а затем в Полном собрании сочинений опубликованы записные тетради Достоевского к «Дневнику», которые содержат значительное количество подготовительных материалов. Ценнейшим источником по истории «Дневника» является также его редакционный архив, который до 1970-х гг. практически не изучался⁸.

Большое значение для истории «Дневника» имеют письма самого Достоевского⁹, а также упоминания о «Дневнике» в переписке современников¹⁰.

Особую группу источников составляют свидетельства мемуаристов. По своему характеру свидетельства эти весьма различны. Так, А. Г. Достоевская, фактически соиздательница «Дневника», почти не касается его идейной истории и ограничивает свои наблюдения кру-

¹ В этом завершённом в 1990 г. издании «Дневник писателя» занимает т. 21–27.

² См.: Стarina о «петрашевцах» / Публ. и вступ. ст. С. Переселенкова // Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 1. Пг., 1922. С. 369–375.

³ См.: Комарович В. Л. Петербургские фельетоны Достоевского // Фельетоны сороковых годов. М.—Л., 1930. С. 118–119.

⁴ См.: Долинин А. С. Новое о Достоевском // Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского, факультет языка и литературы. 1940. Т. 4, вып. 2. С. 311–320.

⁵ См.: Волгин И. Л. Достоевский и царская цензура: к истории издания «Дневника писателя» // Рус. литература. 1970. № 4. С. 104–124. См. также: Волгин И. Л. Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М., 2004. С. 94–118.

⁶ См.: Лит. наследство. Т. 86. М., 1973. С. 59–81. См. Приложение.

⁷ См.: Там же. Т. 86. С. 82–100 и др. См. Приложение.

⁸ См.: Волгин И. Л. Редакционный архив «Дневник писателя» // Рус. литература. 1974. № 1. С. 150–161. См. также: Волгин И. Л. Возвращение билета. С. 56–93.

⁹ См.: Достоевский Ф. М. Письма / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. Т. 1–4. М.—Л., 1928–1959 (далее – Письма). См. также: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28–30. Далее это издание: ПСС с указанием тома и страниц.

¹⁰ См.: Лит. наследство. Т. 86.

гом житейских и литературно-бытовых реалий. Вместе с тем она сообщает такие подробности, которые недоступны любому другому воспоминателю. Мемуары А. Г. Достоевской освещают издательскую историю «Дневника» как бы изнутри¹¹.

Прямое касательство к изданию «Дневника» имеют воспоминания его метранпажа М. А. Александрова¹²: он сам в какой-то мере является фигурантом издательской истории, поэтому его свидетельства имеют для нас особую ценность.

Но если, скажем, Анна Григорьевна и М. А. Александров живописуют Достоевского, главным образом, со стороны бытовой и житейской, то воспоминания таких деятелей, как Страхов¹³ или кн. В. П. Мещерский¹⁴, претендуют на большее. Оба названных автора – активные участники литературной и общественной борьбы 1870-х гг., оба находились с Достоевским в сложных, неровных отношениях. У Страхова, например, мы почерпнем немало интереснейших фактических сведений. При этом, однако, не следует забывать, что упомянутый автор в печально знаменитом письме к Толстому нравственно дезавуировал свою полицию воспоминателя¹⁵. Что касается кн. Мещерского, который при жизни Достоевского не раз становился объектом его раздражения и гнева, то у него, последовательного консерватора, пресловутого «князя-точки» (он требовал поставить «точку» после реформ 1860-х гг.), также имелись основания нарисовать такой образ писателя, который не столько характеризует автора «Дневника», сколько свидетельствует об известной направленности памяти самого мемуариста¹⁶.

Любопытны воспоминания известного в своё время писателя Вс. Соловьёва (сына историка С. Соловьёва и брата философа Вл. Соловьёва)¹⁷. В 1876–1877 гг. Вс. Соловьёв был довольно близок с Достоевским и мог непосредственно наблюдать его редакционно-издательскую деятельность. Следует вместе с тем иметь в виду следующее признание самого Вс. Соловьёва: «...много я не мог внести в свои печатные воспоминания об этом человеке великого духовного порыва и вместе великого греха»¹⁸.

Важным источником по истории «Дневника» являются материалы русской периодической печати. Печатные отклики – первый публичный комментарий к моножурналу Достоевского. Сопоставленные с частной, «негласной» оценкой, т. е. с читательскими письмами, они помогают проследить внутреннюю динамику общественного мнения, его колебания, связанные с особенностями исторической ситуации 1876–1877 гг.

Таков в основном круг источников, которые необходимо иметь в виду, приступая к изучению «Дневника».

«И гениальность, и юродство...»

На третий день после выхода первого «Дневника» в «Петербургской газете» появились десять стихотворных строк, подписанных инициалами О. Др. (Общий друг):

Ф. Достоевскому по прочтении его «Дневника»

¹¹ См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971 и др. издания.

¹² См.: Фёдор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Рус. старина. 1892. № 4. С. 177–207; № 5. С. 293–335.

¹³ См.: Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

¹⁴ См.: Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2 (1865–1881).

¹⁵ См.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914. С. 307–308. См. также: Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М., 2017. С. 237–252.

¹⁶ Выразительную характеристику Мещерского см. в кн.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 74–81. Автор, в частности, пишет, что мнения Мещерского «требуют к себе сверхкритического отношения» (с. 23). Нам не раз приходилось убеждаться в справедливости этого предупреждения.

¹⁷ См.: Соловьёв Вс. Воспоминания о Достоевском // Исторический вестник. 1881. № 3. С. 602–616; № 4. С. 839–853.

¹⁸ Цит. по: Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911. С. 465.

Вот ваш «Дневник»... Чего в нем нет?
И гениальность, и юродство,
И старческий недужный бред,
И чуткий ум, и сумасбродство,
И день, и ночь, и мрак, и свет.
О Достоевский плодовитый!
Читатель, вами с толку сбитый,
По «Дневнику» решит, что вы —
Не то художник даровитый,
Не то блаженный из Москвы¹⁹.

Разумеется, эти стихи Дм. Минаева нельзя отнести к разряду научных сочинений. Но, очевидно, их автор и не подозревал, что его хлесткая характеристика надолго переживет злобу дня, чтобы в тех или иных модификациях прочно утвердиться в позднейшей «серьёзной» литературе.

В первые десятилетия после смерти Достоевского не появилось ни одной работы о «Дневнике». Что же касается беглых оценок этого издания в либеральной и отчасти народнической публицистике, то дело не шло далее формальной констатации внутренней противоречивости «Дневника». «Далеко нельзя сказать, — писал Скабичевский, — чтобы реакционное направление вполне овладело Достоевским... В «Дневнике писателя» рядом с славянофильскими и мистическими разглагольствованиями, словно оазис в степи, прорываются взгляды и образы, поражающие вас светлостью и глубиной»²⁰.

В общем, знакомое минаевское «и день, и ночь, и мрак, и свет».

Постепенно в критической литературе утверждается тезис, получивший признание ещё при жизни Достоевского, — тезис о «второсортности» «Дневника»: он рассматривается как некий привесок к «основному» творчеству писателя.

Представители русского «философского ренессанса» также не оставили каких-либо трудов о «Дневнике», хотя обращались к нему довольно часто. Любопытно, что, полемизируя почти по всем пунктам с либерально-народническими оценками творчества Достоевского, указанные авторы не внесли принципиальных изменений в традиционно негативную трактовку «Дневника»²¹.

Таким образом, всё или почти всё, что было написано о «Дневнике» в дооктябрьский период, не выходило за рамки критической эссеистики. «Дневник писателя» оставался вне научно-исторического анализа.

Первая работа собственно о «Дневнике» появилась лишь в 1920-х гг. Она принадлежала перу рано умершего исследователя В. А. Сидорова (это была посмертная публикация). «Если на самом деле удастся установить, — пишет Сидоров, — что “Дневник писателя” создавался не публицистом, а художником, то такое смешение методов мышления естественно должно привести к полной неразберихе. Спутанность методов приведет только к спутанности и неопределенности тех понятий, которыми орудует Достоевский»²².

---

¹⁹ Петербургская газета. 1876. № 23. 3 фев.

²⁰ Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1898). СПб., 1900. С. 184.

²¹ См.: Шестов Л. Достоевский и Нитше (Философия трагедии). СПб., 1903. С. 21; Мережковский Дм. Пророк русской революции. СПб., 1906. С. 2; Бердяев Н. Откровения о человеке в творчестве Достоевского // Русская мысль. 1918. Март — июнь. С. 48.

²² Сидоров В. А. О «Дневнике писателя» // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. Л. — М., 1924 (на обложке — 1925).

Думается, что Сидоров совершенно прав, говоря о трудностях «логического выражения мировоззрения Достоевского». Но означает ли это, что научный подход к данной проблеме вообще невозможен?

Это – проблема идейной интерпретации «Дневника». Проблема, зависящая всё от того же вопроса: что есть «Дневник»? Традиционная ли публицистика или некая художественная данность, не получившая ещё четкого жанрового определения? И возможно ли подобное определение вообще?

Механический «перевод» «Дневника писателя» с его собственного языка на язык «чистой теории» ни в коей мере не отразит идеологию самого Достоевского. В то же время «Дневник», взятый как целостность, как особая форма художественного сознания, может явить нам такие моменты, которые были доминирующими в его реальной исторической жизни, но оказались совершенно неразличимыми для позднейшей критической традиции.

Почти все писавшие о Достоевском в 1920-х гг. исходили из той мысли, что «Дневник писателя» выражает идеологию его автора в наиболее «чистом» виде. «Тут, – замечает В. Ф. Переверзев, – мы действительно имеем дело с его религиозными, политическими и социальными воззрениями, которые можно исследовать с точки зрения логической и фактической обоснованности, можно доказать их слабость и несостоятельность и выбросить, как хлам»²³.

Любопытно, как спорит с В. Ф. Переверзевым В. А. Десницкий: «...согласимся, что Достоевский был плохим мыслителем (но всё же мыслителем!), что его философские, религиозные и иные воззрения для вас “хлам”. Но утверждать, что этот “хлам”, что публицистика Достоевского не оказала никакого влияния, не оставила никакого следа на его “живых характерах”, у нас нет решительно никаких оснований...»²⁴

Это нечто новое в подходе к «Дневнику». В критике 1920-х гг. он удостоивается следующего полупризнания: «Весь “Дневник” является публицистическим комментарием к художественным образам Достоевского». Любопытно, что, высказав столь категорическое суждение, его автор несколькими строками ниже пишет: «Древние образы негодующих библейских пророков и обличающих предтеч вспоминаются невольно при чтении этих страстных и возмущенных страниц, полных самых разрушительных протестов против неумирающего фарисейства. И, может быть, более, чем все его художественные создания, “Дневник писателя” достоин называться “Книгой великого гнева”»²⁵.

Как видим, за «публицистическим комментарием» признаётся некая самостоятельная сила.

Один из крупнейших знатоков Достоевского, А. С. Долинин писал: «Утверждаем здесь пока только о последнем периоде жизни Достоевского, – только о “Дневнике писателя” 1876–1880 гг. – русскую революцию Достоевский отражал тогда не в меньшей степени, чем Толстой – это уж во всяком случае, и гораздо ярче, гораздо страстнее, с гораздо большим проникновением в страдания, в неисчислимые бедствия масс...»²⁶

Отметим, что Долинину принадлежит ряд других весьма ценных замечаний о «Дневнике»²⁷.

В 1934 г. Л. П. Гроссман обнародовал документы о взаимоотношениях Достоевского с высшими правительственными сферами. Переписка автора «Дневника» с К. П. Победоносцевым, подаренная писателю фотография великого князя (будущего поэта К. Р.) с собственно-

²³ Переверзев В. Ф. Творчество Достоевского. М.—Л., 1928. С. 60–61.

²⁴ Десницкий В. А. Публицистика и литература в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. худ. произведений. М., 1929. Т. 11. С. 2.

²⁵ Войтоловский Л. Ф. М. Достоевский // Ф. М. Достоевский. Никитинские субботники. М., 1928. С. 203–204.

²⁶ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 24–25.

²⁷ См.: Долинин А. С. 1) Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963. С. 239–240; 2) В творческой лаборатории Достоевского. М., 1947.

ручной августейшей надписью и т. д. и т. п. – всё это, по-видимому, произвело на Л. Гроссмана чрезвычайное впечатление. Им делается вывод об идеологической завербованности писателя, который под пером исследователя превращается в искусного исполнителя социального заказа. «Он как бы вменяет себе задание, – пишет об авторе «Дневника» Л. Гроссман, – привести отплаченную мысль на службу царизму и закрепить его верховное влияние своим авторитетным словом писателя»²⁸.

Л. Гроссман наиболее ярко сформулировал ту точку зрения, которая, по сути дела, стала господствующей в литературе. Подобная характеристика считалась настолько исчерпывающей, что вопрос о специальном изучении «Дневника» в дальнейшем даже не поднимался.

Почти полное отсутствие специальных исследований, посвящённых «Дневнику», представлялось особенно странным на фоне поистине необозримой и всё увеличивающейся литературы о Достоевском. Поразительно, что при существовании самого пристального интереса ко всем видам деятельности великого писателя, пробел образовался именно там, где творческая личность Достоевского, его идеология и его реальное историческое бытие сопряглись столь неразрывно и со столь впечатляющим общественным эффектом.

Один из относительно поздних советских авторов замечает: ««Дневник писателя» в целом являет собой удивительное сочетание исторического чутья, прозрения и полной слепоты, господства превратной и предвзятой схемы»²⁹. Это утверждение, справедливое, по-видимому, в столь общей форме, не приближает нас, однако, к сути дела. Минаевское «и гениальность, и юродство» за целое столетие не претерпело, как видим, существенных трансформаций.

Правда, в годы, когда мы только приступили к нашим трудам, появились отдельные статьи Г. М. Фридлендера, Л. М. Розенблюм, В. А. Туниманова, Л. С. Дмитриевой, Г. К. Щенникова, затрагивающие те или иные аспекты «Дневника». Однако ни одна из этих работ не претендовала на исследование неизвестной документальной базы и тем более – на концептуальные обобщения.

Следует упомянуть о двух вышедших в Австралии на русском языке книгах Д. В. Гришина³⁰. К сожалению, они представляют собой не столько исследование моножурнала Достоевского, сколько поверхностное и довольно сумбурное изложение его содержания (причём обе книги изобилуют фактическими ошибками). Авторский комментарий носит при этом весьма примитивный характер. Поэтому о научной ценности этих работ говорить не приходится.

Попытаемся суммировать существующие в литературе точки зрения.

Прежде всего следует отметить противопоставление «Дневника писателя» остальному творчеству Достоевского. Оговорки относительно художественности тех или иных страниц «Дневника» как бы призваны подчеркнуть несостоятельность Достоевского в сферах, выходящих за пределы его художественной компетенции.

Столь же характерно рассмотрение «Дневника писателя» как простой совокупности художественных и публицистических эссе, не связанных единством цели и замысла, т. е. по сути дела как эклектического произведения.

«Дневник писателя» – правда, в последнее время со всё большими оговорками – рассматривается в русле официальной публицистики. К «Дневнику» подходят как к самодовлеющей, замкнутой, непластичной идеологической системе. Истоки этой системы чаще всего квалифицируются как позднеславянофильские. До последнего времени не ставился вопрос о существовании собственной исторической концепции «Дневника писателя»³¹.

²⁸ Гроссман Л. П. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // Лит. наследство. Т. 15. 1934. С. 83.

²⁹ Гус М. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М., 1962. С. 415.

³⁰ Гришин Д. В. 1) «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского / Отделение русского языка и литературы Мельбурнского университета. Мельбурн, 1966; 2) Достоевский – человек, писатель, миф: Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн, 1971.

³¹ Напомним ещё раз: здесь зафиксировано состояние дел на первую половину 1970-х гг. Ныне, когда (с учётом наших

Итак, перед наукой о Достоевском стоит насущная задача: интерпретировать текст «Дневника». Но дело в том, что извлечённый из реального исторического контекста «Дневник» утрачивает свои родовые черты. Поэтому не плодотворнее ли попытаться осознать «Дневник» внутри его исторической эпохи?

Глава 2

«Интереснейшее лицо...»

Внешняя история «Дневника писателя»

Исторические предпосылки

В середине 1870-х гг. значительная часть русской интеллигенции настроена далеко не столь пессимистично, как десятилетие спустя. Пик общественного подъёма ещё не пройден: самые решительные схватки придутся на конец 25-летнего царствования Александра II. Вторая революционная ситуация³² ещё не сложилась.

Время появления «Дневника» можно считать как бы переходным внутри самой переходной эпохи. Полной неудачей закончилось недавнее «хождение в народ». Два года оставалось до выстрела Веры Засулич и наступления полосы народовольческого террора.

Чаша весов колебалась: революция и реакция (в смысле неприятия первой) противостояли друг другу, ещё не исчерпав всех сокрытых до срока сил. Процесс, начавшийся в 1860-х гг., не был завершён. Достоевский склонен был принимать высшую точку этого процесса – 1861 г. – за точку отправную. В освобождении крестьян «сверху» автор «Дневника» усматривал многозначительный и прогностически важный исторический прецедент. Как и другие «почвенники», он полагал, что у самодержавия велик запас внутренних реформаторских потенций. Парадокс заключался в том, что программу радикальных исторических преобразований Достоевский формулировал в рамках принципиально безреволюционного сознания. Более того, он готов был вдохнуть эту программу в готовые исторические институты, «передоверить» её самодержавному государству и православной церкви. Но в таком случае эти последние должны были бы коренным образом изменить свою собственную историческую природу.

Являлись ли подобные представления исключительной особенностью Достоевского или же они могли возникнуть в силу объективных черт, присущих русскому общественному сознанию?

Думается, что было бы правильным предположить последнее. В 1870-х гг. самодержавие ещё не успело с такой откровенностью, как оно это сделало позднее, продемонстрировать свою неспособность к социальному и историческому прогрессу. У большинства интеллигентов (не говоря уже о народных массах) монархическое мироощущение ещё не изжито реальным историческим опытом.

«Образованное общество» жаждет перемен, но, по возможности, совершающихся спокойным, законодательным путем – при инициативе «сверху». Правительство, осуществившее отмену крепостного права, судебную, земскую, городскую и военную реформы, не утратило ещё известного кредита доверия.

Будущее было туманно, неопределённо, но – открыто. Каждый был волен вкладывать в «ближайшее предстоящее» свой собственный смысл. Накануне и во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., объективно направленной против одной из жесточайших форм азиат-

---

ранних представленных здесь работ) появилась целая отрасль «дневниковедения», научная картина во многом иная.

³² Мы сохраняем здесь эту некогда обязательную для советских историков формулу. Ныне многие исследователи высказывают сомнения в её «адекватности».

ского деспотизма, трудно было предвидеть, как развернутся последующие события, не ударят ли они в конечном счёте и по «внутренним туркам». Не случайно глобальная этико-историческая концепция «Дневника писателя» теснейшим образом связана именно с текущими политическими событиями, которые осмысливаются Достоевским как поворотный пункт русской истории и многообещающее начало окончательного мирового исхода. (Об этом см. гл. 7-ю «Что же есть истина?».)

Вторая половина 1870-х гг. несла с собой признаки нового общественного подъёма. Но было неясно, какие формы примет этот подъём и куда пойдёт страна в ближайшие годы. И либералы, и консерваторы, и деятели, мечтавшие о созыве Земского собора (такие как Иван Аксаков), еще могли полагать, что в конечном счёте именно их упования соответствуют высшим интересам правительственной власти.

До взрывов на Екатерининском канале оставалось ещё целых пять лет.

События 1876–1877 гг. способны были создать впечатление, что наконец-то наметился реальный выход из состояния неустойчивого равновесия. Эти годы совпали с периодом мощного и неоднородного по своим истокам движения помощи славянам, когда в рядах русских добровольцев в Сербии бок о бок сражались люди часто противоположных политических убеждений. В силу особых историко-психологических причин определённая часть общества могла поддаться иллюзии, что ожидаемая «развязка» не сведётся к каким-то акциям в области внешней политики или к отдельным внутренним преобразованиям, а будет найдено некое целостное решение, способное удовлетворить всех и обозначить новую эру общественной жизни.

В этот сложный и чреватый историческими потрясениями период Достоевский возвращается на арену журнальной деятельности. 31 января 1876 г. выходит первый номер «Дневника». Впрочем, сам замысел возник значительно раньше.

Генезис издания

В записной тетради Достоевского за 1864–1865 гг. несколько страниц заполнены подробнейшими арифметическими выкладками. Колонки цифр перемежаются краткими резюмирующими пометами: «3000 подписчиков могут окупить издание... Весь успех зависит от того, как будут составлены 1-е шесть номеров. Как можно более известий и т. д.»³³.

«Записная книга» – так именует Достоевский задуманное издание. По-видимому, он мыслил его как своеобразный журнальный симбиоз: соединение большего художественного произведения с хроникой текущих событий. «По 6 печатных листов в 2 недели. 3 листа “Записной книги”. 3 листа романа»³⁴.

Как видим, пока это попытка чисто механического сочленения уже существующих журнальных форм. Но – в рамках нетрадиционного моноавторского двухнедельника.

Судя по всему, задуманное издание первоначально должно было приближаться к периодическому журналу, состоящему из двух разделов: беллетристики и внутреннего обозрения³⁵.

Замысел этот с годами претерпевает значительные изменения. Жёсткая двучленность задуманного издания уже не удовлетворяет Достоевского.

---

³³ Лит. наследство. 1971. Т. 83. С. 219–224.

³⁴ Там же. С. 226.

³⁵ Интересно сравнить этот замысел Достоевского с планом Лизаветы Тушиной в «Бесах»: издавать такую книгу, чтобы в ней была отражена «картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни за целый год» (см.: *Достоевский Ф. М.* ПСС. Т. 10. С. 104).

Автор «Дневника» должен был понимать, что механическое соединение жанров вряд ли приведёт к созданию какой-то новой литературной формы.

Задача заключалась в создании нового жанра.

Публицистику следовало *одушевить*. «Мысль изречённая» должна была соединиться с личностью того, кто ее изрекал.

«Дневник писателя», появившийся на страницах «Гражданина» в 1873 г., уже обладал некоторыми внешними признаками той жанровой структуры, которая получила своё наивысшее воплощение в «Дневнике» 1876–1877 гг. Но хотя в «Дневнике» 1873 г. перегородки внутри прозы и убраны, сама эта проза ещё не преступает своих былых границ. Элементы разных жанров перемешаны, но не слиты: мы без труда отделим очерковую зарисовку от полемиического наброска, критическое эссе от заметок. «Дневник» 1873 г. ещё близок к традиционному газетному фельетону. Хотя образ автора уже обладает в нём устойчивыми личностными признаками, он, этот образ, играет скорее вспомогательную роль. Автор в «Дневнике» 1873 г. – это прежде всего хроникёр, тонкий и наблюдательный эссеист, комментатор. Он ещё не персонифицирует в себе всё издание. Он свободен в своей прозе, но это – свобода, проистекающая от отсутствия некоей центральной идеи.

В 1876 г. происходит не просто изъятие одной из публицистических рубрик «Гражданина» и превращение её в самостоятельное ежемесячное издание. Принцип построения (вернее, идейной организации) «Дневника» 1876–1877 гг. иной. Новый «Дневник» уже обладает собственной концепцией, собственной «сверхзадачей».

В «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. публицистика как жанр впервые ставила себе цели, осуществление которых было возможно лишь на более высоких уровнях художественного сознания. «Прикидываясь» традиционной публицистикой (и действительно оставаясь таковой по своей внешней функции), «Дневник» по принципам своего художественного действия тяготеет к чему-то более глубокому и многомерному.

Та форма «Дневника», которая существовала в 1876–1877 гг., была интуитивно, эмпирически нащупана Достоевским: она неразрывно связана с индивидуальными особенностями его гения. В то же время «Дневник» явился реализацией потенциальных возможностей, накопленных практическим опытом всей русской журналистики.

«Шёл процесс размывания организационных форм журнальной деятельности, сложившихся в начале 60-х гг. и наиболее ярко представленных “Современником”, – справедливо замечает Л. С. Дмитриева. – Проявилась возможность выступления сколько-нибудь значимой общественно-активной личности в качестве носителя целого направления. Историческая ситуация выдвинула в Достоевском деятеля, отразившего этот объективный процесс»³⁶.

Всё это так. Но следует всё же задаться вопросом, почему ни в восьмидесятые, ни в девяностые годы ни одна «сколько-нибудь значимая общественно-активная личность» не выступила на журналистском поприще в том качестве и с таким успехом, как это сделал Достоевский в годы семидесятые? По-видимому, здесь всё-таки придётся сместить акцент со «сколько-нибудь» именно на «личность».

Жанр и структуру «Дневника» определить столь же трудно, как и его издательский тип. В моножурнале затронуто громадное количество тем: можно сказать, что Достоевскому удалось «схватить», запечатлеть образ России не только в романах, но и в «Дневнике».

Автор «Дневника» говорит о крушении общественных и нравственных устоев, о глубоком духовном кризисе, поразившем русское общество, и о тех подспудных, скрытых от глаз процессах, которые совершаются в глубинах русской жизни. Он пишет о распаде семьи и о воспитании детей, о личных трагедиях, о самоубийствах, о проблемах молодого поколения

---

³⁶ Дмитриева Л. С. О жанровом своеобразии «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: К проблеме типологии журнала // Вестн. Моск. унта. Сер. 11. Журналистика. 1969. № 6. С. 29.

и о женском вопросе. Важнейшей особенностью «Дневника» является то обстоятельство, что все эти темы затрагиваются не абстрактно, не «вообще», а как бы вырастают из самого потока жизни – из судебных отчётов, фактов газетной хроники, читательских писем.

Не случайно Достоевский самым подробным образом останавливается на ряде уголовных процессов, иногда малопримечательных, но интересующих его именно в этическом плане.

Весьма значительное место занимает в «Дневнике» международная тематика. Достоевский чрезвычайно чутко реагирует на все перипетии балканского кризиса, на события русско-турецкой войны и т. п. И хотя «чисто» политическая публицистика – наиболее уязвимая часть «Дневника писателя» (в ней встречаются положения, совершенно неприемлемые, скажем, для тогдашнего «демократического читателя»), эти моменты необходимо соотносить с общей нравственной атмосферой издания.

Достоевский выступает в «Дневнике» как гениальный литературный критик. Если собрать воедино всё сказанное им о Пушкине, Гоголе, Некрасове, Льве Толстом и других русских писателях, получится поразительная картина. Даваемые в «Дневнике» литературные характеристики, всегда тонкие и глубокие, обладают мощным эстетическим потенциалом.

Органической частью моножурнала являются собственно художественные произведения – такие как «Кроткая», «Мальчик у Христа на ёлке», «Столетняя», «Сон смешного человека» и др. «Вдвинутость» художественного текста в текст с формальной точки зрения «нехудожественный» – принципиальная специфическая особенность «Дневника».

И, наконец, «Дневник писателя» – это ещё и автобиографическая проза (в какой-то мере сближающаяся с «Былым и думами» Герцена). За «Дневником писателя» стоит сам *писатель* – со своей собственной индивидуальной судьбой.

«Дневник писателя» *личностен* от начала до конца. Этот момент – принципиален. Дело не только в том, что единственный автор «Дневника» был средоточием всего издательского процесса, что в нём персонифицировалась вся множественность журнальных функций. В отличие от любого из периодических изданий «Дневник» обладал ещё и собственным героем. «Ведь и он сам, – писал Вс. Соловьёв об авторе “Дневника”, – интереснейшее лицо среди самых интересных лиц его лучших романов, – и, конечно, он будет весь, целиком в этом “Дневнике писателя”»³⁷.

Был ли в «Дневнике» действительно *весь* Достоевский?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего исследовать поэтику «Дневника», его литературную специфику, его жанр. Но возможен и другой путь.

Попробуем составить предварительное мнение о моножурнале Достоевского по «косвенным» признакам – исходя из реакции на него русского общественного мнения. Может быть, именно это приблизит нас к постижению художественной загадки «Дневника».

Глава 3

«Что за ребяческий бред...»

В зеркале русской прессы

Первые отклики

В будущем 1876 году будет выходить в свет ежемесячно отдельными выпусками сочинение Ф. М. Достоевского «Дневник писателя». Каждый выпуск будет заключать в себе от одного до полутора листов убористого

---

³⁷ Соловьёв Вс. Воспоминания о Достоевском // Исторический вестник. 1881. № 4. С. 843.

шрифта, в формате еженедельных газет наших. Но это будет не газета; из всех двенадцати выпусков составит целое, книга, написанная одним пером. Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчёт о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчёт о виденном, слышанном и прочитанном. Сюда, конечно, могут войти рассказы и повести, но преимущественно о событиях действительных...

Так гласили первые газетные извещения о новом издании. Объявление это вызвало многочисленные толки и пересуды. В литературных кругах затея Достоевского была встречена весьма скептически.

Вс. Соловьёв свидетельствует:

На вечере у Якова Петровича Полонского, у которого обыкновенно можно было встретить представителей всевозможных редакций, людей самых различных взглядов, я выслушал с разных сторон заранее подписанный приговор «Дневнику писателя». Решали так, что издание непременно лопнет, что оно никого не заинтересует. Говорили:

– Он, наверное, начнет писать о Белинском, о своих воспоминаниях.

Кому теперь это нужно, кому интересно!?

– Ну, а если он начнёт о вчерашнем и сегодняшнем дне? – спрашивал я.

– В таком случае ещё того хуже... что он может сказать?! Он будет бредить!..³⁸

Сакраментальное словечко «бредить» было произнесено ещё до выхода «Дневника». Более того: уже само объявление о будущем издании вызывает хихиканье.

31 января 1876 г. «Дневник писателя» стал реальностью. Его появление произвело сенсацию в журнальном мире. К удивлению некоторых коллег Достоевского, их мрачные прогнозы не подтвердились.

«Говорят, что первый номер очень хорошо разошёлся, – не без удивления констатирует в “Санкт-Петербургских ведомостях” П. Боборыкин. – Я этому искренне обрадовался, хотя не нашёл в содержании почти ничего ценного в моих глазах. Но я рад этому факту, показывающему, что можно писателю появляться периодически без посредничества предпринимателей журнального или книжного дела»³⁹.

Характерно, что в первых откликах прессы подчёркивается именно этот момент. Стремление Достоевского обрести издательскую независимость вызывает, по-видимому, всеобщее сочувствие.

«Счастливая мысль пришла Ф. М. Достоевскому! – восклицал в “Голосе” Г. К. Градовский. – В его “Дневнике писателя” нельзя не видеть попытки эмансипироваться от издателей и редакций. Чем виноват г. Достоевский, если он настолько оригинален, что не подходит ни под одну из рамок, предоставляемых существующими периодическими изданиями русскому писателю?»⁴⁰

Далее Градовский делает следующее любопытное замечание, понятное, возможно, лишь весьма осведомлённым читателям. «Редакция “Русского вестника” хочет его сокращать и исправить для эксплуатации в своих узких интересах (намёк на изъятие из “Бесов” так называемой “исповеди Ставрогина”? – И. В.) <...> другие редакции не решаются поместить произведение г. Достоевского, не сопроводив его разными оговорками, одинаково неприятными и для них и для писателя (очевидно, имеются в виду редакционные примечания к “Подростку” в

---

³⁸ Соловьёв Вс. Воспоминания о Достоевском. С. 843.

³⁹ Боборыкин П. Воскресный фельетон // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 39. 8 февр.

⁴⁰ Листок. (Подпись: Гама) // Голос. 1876. № 39. 8 февр.

“Отечественных записках”. – И. В.). При таких условиях г. Достоевский скорее и настойчивее многих других писателей должен был почувствовать необходимость найти исход из того прокрустова ложа, в которое мы вкладываем русскую мысль»⁴¹.

Не сговариваясь с обозревателем «Голоса», Вс. Соловьёв высказывает в «Русском мире» очень схожие мысли: «Большинство наших литературных представителей из русских писателей превратилось в писателей известных журналов. Журналы стянули к себе все силы. Вне журналов писательская деятельность представляется невозможной»⁴².

Вс. Соловьёв особо подчеркивает идейную самобытность Достоевского и непринадлежность писателя ни к одному из литературных лагерей: «Он писал и в “Русском вестнике”, и в “Гражданине”, и в “Отечественных записках” – журналах с различными направлениями – и никогда не делал ни малейшей уступки духу литературной партии, всегда оставался самим собой, чрезвычайно искренним и безупречно честным писателем, стоящим выше всяких личных интересов».

Соловьёв приветствует то обстоятельство, что отныне «Достоевский начинает не стесняемый ничьей хозяйской рукой беседовать с русским обществом»⁴³.

Как видим, консервативный «Русский мир» сходится с либеральными «Санкт-Петербургскими ведомостями» и «Голосом» в положительной оценке самого факта издания «Дневника». В попытке писателя освободиться от редакционной и издательской опеки усматривают важный общественный прецедент.

Правда, о содержании первого номера газетные критики высказываются гораздо осторожнее. Боборыкин, как мы помним, не нашёл в нем «ничего ценного». Скабичевский, заявив в «Биржевых ведомостях», что «самую животрепещущей новостью является, конечно, “Дневник писателя”», тут же оговаривается: «Новость ли это, полно? С внешней стороны это, конечно, новость... Но, с другой стороны, по содержанию, подумайте, какая же это новость? Разве мы не знакомы давно уже были с “Дневником писателя” на страницах “Гражданина”, и чем же настоящий “Дневник писателя” отличается от него? Решительно ничем»⁴⁴.

Таким образом, Скабичевский воспринимает выход в свет самостоятельного «Дневника» как простое возрождение рубрики, некогда существовавшей в «Гражданине». Не сомневается он и в соответствующей идейной преемственности нового «Дневника».

Однако, высказав сгоряча подобное мнение, Заурядный читатель вынужден был убедиться, что он остался в одиночестве. Ни одна газета не рискнула связать новый «Дневник» с традицией «Гражданина». Наоборот, большинство обозревателей как раз подчёркивают непохожесть нового издания на его одноимённого предшественника.

Г. К. Градовский (сам, кстати, бывший редактор «Гражданина») отмечает в «Голосе»: «Г. Достоевский отряхнул с себя тот мусор грубого ханжества и шарлатанства... которые сквозят в самых патетических местах журнала-газеты и которые бросали невыгодную тень на некоторые статьи его прежнего “Дневника”. Нынешний “Дневник писателя” читается с удовольствием»⁴⁵.

«Во всяком случае, – приходит к заключению критик “Нового времени”, – приятно и то, что в первом выпуске “Дневника писателя” нет никаких скверностей и пошлостей в духе и жанре “Гражданина” и кн. Мещерского...»⁴⁶

С. А. Венгеров, обозревая в июне 1876 г. уже пять выпусков «Дневника», возвращается к кругу всё тех же ассоциаций: «Многим был памятен отдел, ведённый тем же г. Достоевским под

⁴¹ Листок. (Подпись: Гама) // Голос. 1876. № 39. 8 февр.

⁴² Современная литература. (Подпись: Вс. С-в) // Русский мир. 1876. № 38. 8 февр.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Мысли по поводу текущей литературы. (Подпись: Заурядный читатель) // Биржевые ведомости. 1876. № 36. 6 февр.

⁴⁵ Голос. 1876. № 39. 8 февр.

⁴⁶ Буква <И. В. Василевский>. Наброски и недомолвки // Новое время. 1876. № 37. 8 февр.

тем же названием в “Гражданине”, и нельзя сказать, чтобы эти воспоминания умаляли сомневающееся настроение. Но уже с первого выпуска “Дневника” всякие сомнения рассеялись и успех его всё более упрочнялся». Венгеров приходит к заключению, что в «“Дневнике писателя” русская журналистика приобрела орган, заслуживающий всякого уважения», и желает Достоевскому «продолжать своё издание в том же духе и направлении»⁴⁷.

«Вообще г. Достоевский начал свой журнал необыкновенно счастливо, — замечает в “Голосе” Г. А. Ларош, — в каждом нумере было хоть что-нибудь оригинальное, умное и интересное, а нередко мелькали и настоящие художественные странички»⁴⁸.

Наиболее внимательные критики сразу же отметили принципиальные отличия «дневниковой прозы» Достоевского от избитых форм традиционного журнализма. «Содержание “Дневника” публицистическое, — констатирует Венгеров. — Но как далеко оно от того, что у нас называется публицистикой!»⁴⁹

Можно сделать вывод, что дебют «Дневника» вызвал вполне благожелательные отклики со стороны ведущих петербургских газет — вне зависимости от идейной окраски. И Достоевский не преминул отметить это немаловажное обстоятельство: «...[X]орошо или не хорошо, что я всем угодил? Дурной или хороший это признак? Может быть ведь и дурной? А впрочем, нет, зачем же, пусть лучше это будет хороший, а не дурной признак, на том и остановлюсь»⁵⁰.

В словах этих, впрочем, крылась некая усмешка.

Причины «литературной брани»

Отметив благожелательность прессы, автор «Дневника» как бы между прочим роняет: «Если и была литературная брань, то незаметная»⁵¹.

Достоевский умышленно не вдаётся в подробности. Нарочито пренебрежительной оговоркой он как бы освобождает себя от необходимости вести мелочную полемику.

Между тем «литературная брань» была не столь уж незначительной (а иногда, добавим, и не столь уж литературной). 3 февраля 1876 г. в «Петербургской газете» появились уже цитированные нами выше стихи Дм. Минаева, в которых «Дневнику» приписывались «и гениальность, и юродство».

Но вот что любопытно: первый номер моножурнала Достоевского вовсе не даёт оснований для таких размашистых определений!

О чём говорится в первом «Дневнике»? В нём ещё совершенно отсутствуют так называемые «политические статьи», нет там и ни одного из тех «вселенских пророчеств», которыми порой изобилуют позднейшие выпуски. Это своего рода проба пера, приступ к теме, настройка тона — то, что мы сейчас с оговорками назвали бы «потокосом сознания». И если в первом «Дневнике» ещё можно, пожалуй, усмотреть проблески гениальности, то уж о «юродстве» говорить как будто бы не приходится.

Следует поэтому предположить, что язвительная эпиграмма Дм. Минаева была вызвана не только и не столько содержанием первого номера «Дневника», сколько причинами более общего порядка. Подспудно существующее (заведомое!) недоверие к автору «Бесов» и бывшему редактору «Гражданина» как бы проецируется на его ближайшую публицистическую деятельность.

⁴⁷ Литературные очерки. Искренняя откровенность. (Подпись: Фауст Щигровского уезда) // Новое время. 1876. № 107. 17 июня.

⁴⁸ Голос. 1876. № 152. 3 июня.

⁴⁹ Новое время. 1876. № 107. 17 июня.

⁵⁰ Дневник писателя. 1876. Февраль (О том, что все мы хорошие люди...) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 22. С. 39.

⁵¹ Там же.

Помимо этого, критиков настораживает самый тон «Дневника», нарушение так называемых литературных приличий, интимно-доверительное, «домашнее» обращение его автора к читателям. «Недостаёт только, – возмущалась “Петербургская газета”, – чтобы по поводу кроненберговского дела Достоевский рассказал, как возвращаясь из типографии, он не мог найти извозчика и поэтому промочил ноги, переходя через улицу, отчего опасается получить насморк и прочее»⁵².

Достоевский рассказал о другом. Касаясь процесса Кроненберга, обвинённого в истязании своей семилетней дочери, писатель вспомнил, как в Сибири, в госпитале, в арестантских палатах ему, Достоевскому, приходилось видеть окровавленные спины каторжников, прогнанных сквозь строй.

Несомненно, это было очень «лично». Суворин, например, тоже писал в «Новом времени» от первого лица, но у него не было таких воспоминаний. Здесь была важна не только форма обращения к читателю, но и личность того, кто обращался. Вводя в идейно-художественную структуру «Дневника» – в качестве работающих элементов – сугубо личные, частные мотивы, Достоевский решал принципиальную художественную задачу.

В «Дневнике» «лично» не только то, что относится непосредственно к его автору, но и всё остальное.

О чём бы ни писал Достоевский, общее принципиально не отделено у него от частного, «дальнее» от «ближнего». Страдания семилетней девочки и «судьбы Европы» вводятся в единую систему координат. Всё оказывается равнозначно друг другу, но не равно само себе. Факты уголовной хроники обретают «высшую» природу, а крупнейшие мировые события низводятся до уровня уголовного факта.

И в этой системе маленькая дочь Кроненберга («слезинка ребёнка!») и «судьбы Европы» имеют одинаковую нравственную ценность. Ибо в «Дневнике» предпринята попытка применить принципы этического максимализма к моделированию всей мировой истории – сверху донизу.

Но вернёмся к «литературной брани».

«Г. Достоевский, – назидательно замечает рецензент “Иллюстрированной газеты”, – доказал уже свою неспособность быть хорошим фельетонистом... Самый язык его не отличается необходимой для этого лёгкостью, а, напротив, полон тяжеловесными оборотами и неуклюжими, часто грубыми выражениями. Остроумия в нём нет ни малейшего»⁵³.

Между тем остроумие – одно из неотъемлемых качеств «Дневника»! Более того, без учёта этого обстоятельства он вообще не может быть понят. Вс. Соловьёв так характеризует «дневниковую прозу» Достоевского: «Это живой разговор человека, переходящего с предмета на предмет, разговор своеобразный и увлекательный, где иногда под форму юмористическую скользят серьёзные мысли. Немало остроумных и тонких замечаний и всё это просто и искренне, на всём лежит печать ума и таланта»⁵⁴.

Рецензент «Одесского вестника» замечает с некоторым удивлением: «Там, где французский фельетонист рассказывает и отчасти балагурит, – русский рассуждает, возбуждает и решает довольно серьёзные вопросы, – хотя по временам тоже балагурит»⁵⁵.

«Зато г. Достоевский остроумен, да ещё как!» – восклицает Ларош. Сравнивая смех Достоевского со смехом Мольера, Свифта и Гоголя, рецензент приходит к выводу, что «такой весёлости у автора “Мёртвого дома” нет, но злого сарказма много»⁵⁶.

⁵² Первое слово г. Суворина и второе слово г. Достоевского // Петербургская газета. 1876. № 42. 2 марта.

⁵³ Петербургские письма // Иллюстрированная газета. 1876. 15 февр. (Автором этой статьи был, по-видимому, редактор-издатель газеты В. Р. Зотов).

⁵⁴ Русский мир. 1876. № 38. 8 февр.

⁵⁵ Одесский вестник. 1876. № 208. 23 сент.

⁵⁶ Ларош Г. А. Литература и жизнь // Голос. 1876. № 152. 3 июня.

Итак, в публичных оценках «Дневника» можно заметить известный разнобой. Зачастую одни и те же издания то хвалят, то ругают «Дневник» – в зависимости от личных вкусов и пристрастий своих рецензентов. Но при этом ни один печатный орган не пытается осознать «Дневник писателя» как целостное явление. Впрочем, вряд ли справедливо упрекать в этом газетных критиков, если подобная задача не была поставлена и в позднейшей научной литературе.

Вернемся, однако, к текущей периодике.

Два Достоевских: «хороший писатель» и «плохой мыслитель»

Если тезис о неспособности Достоевского быть хорошим фельетонистом не получил, как мы видели, серьёзной поддержки, то более повезло обвинению другого рода.

После целой серии мелких выпадов против «Дневника» «Петербургская газета» выступила наконец с пространной редакционной статьёй. «Если мы нередко подсмеиваемся над иностранцами, которые берутся судить о России, вовсе не зная России, – писал автор статьи, – то во сто раз более подлежат осмеянию достопочтенные наши соотечественники, которые сочиняют на русское общество всевозможные обвинения, вовсе не зная этого общества, ни его добродетелей, ни его пороков»⁵⁷.

Иными словами, автору «Дневника» отказывали в знании России.

Между тем, перечитывая «Дневник», нельзя не убедиться, что Достоевский являет в нём глубокое, порой беспрецедентное понимание своей родины. Многие страницы «Дневника» поражают своей художественной прозорливостью.

В чём же дело? Почему некоторые современники Достоевского (и в первую очередь именно литераторы) оказались невосприимчивы к «дневниковой прозе» писателя?

Думается, что объяснение этому факту следует искать в самой природе «Дневника».

Эта природа заключала в себе глубокое внутреннее противоречие. С одной стороны, «Дневник» преследовал как будто бы чисто публицистические цели, с другой – осуществлял их при помощи особых «непублицистических» средств.

Но этого-то как раз и не осознавало большинство газетных критиков. Они накладывали на многогранный художественный организм «Дневника» привычную схему, соответствующую их представлению о том, какой именно должна быть публицистика. Однако «Дневник» не мог разместиться в этих узких рамках. Там, где в как бы чуждой ему сфере «чистой» идеологии вступал в свои права художник, образовывались «точки разрыва» – и именно в этих случаях реакция прессы была особенно бурной.

«Дневник» безжалостно разрушал привычный журнальный стереотип. Его художественная новизна раздражала тем сильнее, чем глубже затрагивал он ненормальность общественного бытия.

Общество было нездорово. Однако болезненность склонны были приписать именно Достоевскому.

«Ум господина Достоевского имеет *болезненные свойства*», – это «медицинское» заключение «Петербургской газеты» разделялось почти всем консилиумом мелкой столичной прессы. (Здесь и ниже в цитатах курсив наш. – И. В.)

Многие мысли и положения («Дневника». – И. В.) до того странны, что могли появиться только в *болезненно-настроенном воображении*⁵⁸.

---

⁵⁷ Кабинетные моралисты // Петербургская газета. 1876. № 24. 4 февр.

⁵⁸ Иллюстрированная газета. 1876. 15 февр.

Признаюсь, я с нетерпением разрезал январскую тетрадку этого дневника. И что за *ребяческий бред* прочёл я в ней?⁵⁹ (У Минаева, если вспомнить, «бред» характеризуется как «старческий». – И. В.)

Когда вы дошли до подписи автора, то вам становится ясно, что, с одной стороны, г<осподин> Достоевский фигурирует в качестве то добродушно, то нервно *брюзжащего и всякую околесицу плетущего старика*, который желает, чтобы с него не взыскали, а, с другой стороны, что и вам-то самим нечего с него взыскивать⁶⁰.

И наконец:

Говорите, говорите, г<осподин> Достоевский, талантливое человека очень приятно слушать, но *не заговаривайтесь до нелепостей* и лучше всего не отзывайтесь на те «злобы дня», которые стоят вне круга ваших наблюдений...⁶¹

Поразительно, что все эти уничижительные оценки относятся именно к первому номеру «Дневника»! А ведь первый «Дневник», как мы уже отмечали, был всего-навсего «пробой пера». Достоевский не высказал в нём ещё ни одной из тех идей, которые могли бы выглядеть «эксцентричными», положим, с точки зрения тогдашней либеральной печати.

Не случайно почти никто из оппонентов не спорит с Достоевским по существу. Критический гнев вызывает в данном случае не столько содержание «Дневника», сколько способ мышления его автора.

Он (Достоевский. – И. В.) желает убедить других, а может быть и себя, в том, что его путь – путь логической мысли, а не *болезненного ощущения*⁶².

На всё это Достоевский ответил в своей записной тетради одной фразой: «Да моя болезненность здоровее вашего здоровья».

Впрочем, в печати фраза эта не появилась.

Таким образом, следует заключить, что до и даже помимо «всего остального» наибольшее неприятие периодической печати вызывает сам *метод* «Дневника». Но метод в данном случае глубоко *содержателен*. Рассмотрим этот вопрос подробнее, основываясь на анализе пока одних лишь печатных откликов.

Именно к середине 1870-х гг. – т. е. в рассматриваемый период – к Достоевскому всё чаще прилагается гибкий «резиновый» тезис о «хорошем» писателе и «плохом» мыслителе.

«Мыслевая основа его произведений, – писал обозреватель “Одесского вестника”, – всегда была крайне однообразна и только художественные их достоинства бросались в глаза. Из прежних произведений Достоевского едва ли читатели помнят хоть одну новую, оригинальную, блестящую мысль»⁶³.

Итак, автора «Преступления и наказания» упрекают в «мыслевом» убожестве! Заметим, кстати, что «Одесский вестник» – одна из немногих провинциальных газет, помещавших собственные отзывы о «Дневнике». Тем любопытнее, что отзывы эти в данном случае полностью совпадают с оценками столичной прессы.

Когда в «Дневнике» была напечатана «Кроткая», Скабичевский, приветствуя появление этого «фантастического рассказа», не преминул заметить, что «если бы г. Достоевский... не поместил бы в своем “Дневнике” ни одного из своих прямо-криво-косолинейных рассужде-

⁵⁹ *Новый критик* <И. А. Кушевский>. Новости русской литературы // Новости. 1876. № 38. 7 февр.

⁶⁰ *Буква* <И. В. Василевский>. Наброски и недомолвки // Новое время. 1876. № 37. 8 февр.

⁶¹ Петербургская газета. 1876. № 24. 2 февр.

⁶² *Некто из толпы* <Е. П. Свешникова>. «Дневник писателя». Ежемесячное издание Ф. М. Достоевского // Кронштадтский вестник. 1877. № 61. 22 мая.

⁶³ С. С. <С. И. Сычевский> Журнальные очерки // Одесский вестник. 1876. № 155. 15 июля.

ний, читатель остался бы вдвойне доволен: к концу года вместо тома плохого мыслителя у него образовался бы том талантливого художника, и читатель был бы таким образом в полном барыше»⁶⁴.

Скабичевский фактически повторил то, о чём говорил его коллега-газетчик ещё по выходе первого номера «Дневника»: «Гораздо слабее те части, где автор выступает в качестве публициста, т<ак> к<ак> его суждения о различных текущих вопросах, вероятно, из желания быть беспристрастным, страдают чрезмерною многосторонностью и расплываются в нечто неопределённое и смутное»⁶⁵.

«Однако оставим г. Достоевского, – утомлённо вздыхает одесский фельетонист, – и пожалеем, что политика отняла у нас в нём прекрасного романиста и дала плохого публициста»⁶⁶.

Мы сталкиваемся здесь с одним из самых распространенных и – в силу методологической инерции – самых устойчивых тезисов. Достоевского-публициста отделяют от Достоевского – талантливого писателя как часть от целого, не сознавая, что само это целое носит органический характер.

В связи с этим небезынтересно отметить, что глубоко новаторская форма «Дневника» была принята большинством его читателей без видимых затруднений. «Когда я в первый раз прочла объявление о “Дневнике”, – пишет Алчевская, – я никак не могла представить себе, что именно это будет... Когда получен был первый номер, мне показалось, что именно таким он и должен быть и другим быть не может»⁶⁷.

Парадоксально, но факт: профессиональная литературная критика совершенно упустила из виду то, что инстинктивно почувствовали рядовые читатели. А именно: Достоевский в своём моножурнале почти никогда не выступает как «чистый» политик. Газетные публицисты не сумели разгадать «сверхзадачи» «Дневника», его литературной и идейной специфики. Недаром Достоевский занёс в свою рабочую тетрадь: «А не понимаешь ты не оттого, что... не ясен писатель, а оттого, что неразвиты, тупы свои способности. Тупы и неразвиты»⁶⁸. Сказано в сердцах, но, право же, уровень некоторых газетных статей давал для этого известные основания.

В одном из опубликованных нами писем Ивана Аксакова он обращается к автору «Дневника» со следующим упрёком: «Вы всегда даёте читателю *слишком много заразы*, и кое-что по необходимости остаётся недосказанным. Иногда у Вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдалённый горизонт, *с перспективою такой новой дали*, что у иного читателя голова смущается и кружится, – и только скачок... Для меня понятен каждый Ваш намёк, каждый штрих, ну, а для читателя вообще – слишком, повторяю, крупна порция»⁶⁹.

Думается, что Аксаков всё же несколько высокомерен по отношению к «читателю вообще». Как раз для такого читателя «Дневник» – именно в силу своей художественной пластичности – был гораздо доступнее, нежели, скажем, статьи того же Ивана Аксакова.

Вспомним сетования «Санкт-Петербургских ведомостей» по поводу того, что «Дневник» страдает «чрезмерной многосторонностью». Аксаков, говоря о «скачке в отдалённый горизонт», подразумевает в сущности то же самое. Но именно с помощью подобных «скачков» Достоевский и добивается своих «высших» целей – они-то и выводят его публицистику за пределы традиционного публицистического жанра.

⁶⁴ *Заурядный читатель*. Мысли по поводу текущей литературы // Биржевые ведомости. 1876. № 341.

⁶⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 38. 7 февр.

⁶⁶ С. С. Журнальные очерки // Одесский вестник. 1876. № 237. 2 ноября.

⁶⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 56.

⁶⁸ Лит. наследство. 1971. Т. 83. С. 371.

⁶⁹ Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому / Публ., вступит. ст. и коммент. И. Л. Волгина // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1972. Т. 31. Вып. 4. С. 354. См. Приложение.

От автора «Дневника» требовали конкретных предписаний, а он изображал ребёнка, замерзающего от голода и холода. Требующие, естественно, протестовали: «Вот если бы г. Достоевский указывал, где нам взять капиталы на устройство приютов для всех этих “мальчиков с ручками” – это было бы дело другое»⁷⁰.

Достоевский не указывал, «где взять капиталы». Он действительно не знал, где их взять. Может быть, потому он и не желал сводить своё «как» к определённому образу действия.

Ибо то, о чём говорилось в «Дневнике», было именно «образом» действия.

«Дневник» вообще не давал практических рекомендаций в узком смысле этого слова. Публицистика Достоевского была далека от «политического реализма» «Московских ведомостей», от «трезвых» расчётов Н. Я. Данилевского, от «железной» логики Конст. Леонтьева. И «Дневник» становится наиболее уязвимым именно в «моменты перехода» – перехода в бытийную или политическую реальность, в «мир», в сферу осуществлений.

Не предлагая какого-то конкретного решения, «Дневник» тем не менее постоянно «намекал» на таковое, так сказать, в «высшем смысле» (пользуясь выражением самого Достоевского), именно «намекал» – всем своим художественным и этическим подтекстом. При этом подтекст мог вступать и нередко вступал в весьма осязаемое противоречие с «самим текстом». Ибо «ближние» и «дальние» цели «Дневника» находились между собой в глубоком конфликте.

Ратуя за радикальнейшие исторические преобразования, автор «Дневника» полагал, что предпосылки этих преобразований кроются в индивидуальной и «соборной» нравственности его читателей. «Указания» «Дневника» были прежде всего направлены именно в эту сторону.

Чем же являлся в таком случае «Дневник писателя»?

В 1909 г. А. Блок занёс в свою записную книжку: «Я (мы) не с теми, кто за старую Россию... не с теми, кто за европеизм... но за новую Россию, какую-то или за “никакую”. Или её не будет, или она пойдёт совершенно другим путем, чем Европа... Это и *есть* опять – песня о “новом гражданине” (какого пророчили и пророчат – например, Достоевский, но пророчат не на деле, а только в песне)»⁷¹ (курсив А. Блока. – И. В.).

Можно сказать, что в этом смысле «Дневник писателя» был «песней». Разумеется, такое определение не исчерпывает всей проблемы «Дневника», но, как нам кажется, верно схватывает его глубинную художественную суть, совершенно не замеченную критикой, но удивительно точно почувствованную читателем.

Направление вне направлений

Пора, однако, задаться вопросом: к какому же, собственно, направлению принадлежал «Дневник писателя»?

Следует помнить, что к середине 1870-х гг. общественная репутация Достоевского выглядела весьма однозначно. Автор «Бесов» и бывший редактор «Гражданина» представал перед лицом общественного мнения как талантливый беллетрист, изменивший идеалам своей молодости и примкнувший к правому, охранительному крылу русского общества. «Конечно, сочувствие г. Достоевского давно покинуло наковальню и перешло на сторону молота, – безапелляционно заявлял в “Голосе” Ларош. – Конечно, консерватор, давно сидевший на дне знаменитого писателя, до того разросся и раскинул свои загребистые ветки, что сбил в угол, прижал и почти задавил филантропа»⁷².

⁷⁰ Новости. 1876. № 38. 7 февр.

⁷¹ Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 154.

⁷² Голос. 1876. 3 июня.

«Вообще говоря, его не любили, – замечает обозреватель “Одесского вестника”, – но с того времени, как он стал ежемесячно издавать “Дневник писателя”, симпатии публики были ему завоёваны»⁷³.

Итак, именно издание «Дневника», по мнению современников, помогло Достоевскому вернуть общественные симпатии. Этот факт совершенно необъясним с традиционной, либеральной точки зрения: казалось бы, именно «Дневник» должен был оттолкнуть от его автора демократические круги русского общества. Однако во многих случаях происходит обратное.

В этом смысле чрезвычайно характерна статья С. А. Венгерова, помещённая в «Новом времени» (кстати, имя автора, содержание и тон этой статьи свидетельствуют о том, что к лету 1876 г. «Новое время» далеко ещё не завершило своей эволюции «вправо»). Заметив, что Достоевский как бы возродился с тех пор, как издаёт «Дневник», Венгеров далее пишет: «Г. Достоевский говорит обществу резкое, суровое слово, но это слово искренне и поэтому к нему все невольно прислушиваются»⁷⁴.

Однако самое любопытное состоит в том, что Венгеров воспринимает новое издание как орган, по своему направлению не имеющий ничего общего с консервативным лагерем: «Затем, ещё одно важное приобретение г. Достоевского, с тех пор, как он издаёт “Дневник” – он совершенно порвал сношения с московскими спасителями отечества и начал высказывать такие мысли, за которые “Русский вестник” его не похвалит»⁷⁵.

Тут хотелось бы отметить ещё одно обстоятельство, на которое, как ни странно, до сих пор не обращали внимания. За два года своего существования «Дневник писателя» не удостоился особых похвал со стороны катковской прессы. «Русский вестник» хранит гробовое молчание по поводу публицистической деятельности своего постоянного автора. Почти «не замечают» «Дневник» и «Московские ведомости».

Что касается «Гражданина» кн. Мещерского, то он ограничивается несколькими сочувственными замечаниями самого общего характера («Заметки из текущей жизни» Евг. Былинкина) и обходит стороной главную проблематику «Дневника»⁷⁶.

Консервативный лагерь (как целое) не сознаёт Достоевского своим идейным союзником.

Между тем постановка в «Дневнике» проблемы народа сближала его автора с теми радикальными кругами, которые, казалось бы, должны были числить автора «Бесов» своим врагом. «Г. Достоевский, – писал в “Деле” П. Н. Ткачёв, – вовсе не подозревает, что в его мечтаниях решительно нет никакого фактического содержания, и мыслит он не реально, а Бог знает как – хоть святых вон выноси. В то же время сколько искренности, сколько любви и фанатизма в его привязанности к народу, к России»⁷⁷.

Вообще следует сказать, что, например, в «Отечественных записках» 1876–1877 гг. мы не встретим ни одного резко враждебного выпада против Достоевского и его «Дневника». Конечно, здесь можно усмотреть чисто внешние причины. Во-первых, Достоевский – автор «Подростка», опубликованного в «Отечественных записках» в 1875 г. Во-вторых, редакция журнала, как это было нами установлено, вплоть до конца 1877 г. не теряла надежды получить от Достоевского новое беллетристическое произведение⁷⁸.

Но, думается, дело не только в этом. Позиция «Отечественных записок» по целому ряду вопросов приближалась (и порой весьма существенно) к точке зрения автора «Дневника».

⁷³ Одесский вестник. 1876. № 155. 15 июля.

⁷⁴ Фауст Щигровского уезда <С. А. Венгеров>. Литературные очерки // Новое время. 1876. № 107. 17 июня.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ См.: Гражданин. 1876. № 6, 8, 11, 17, 28–29 и др.

⁷⁷ Журнальное обозрение // Дело. 1877. Июль. С. 63.

⁷⁸ См.: Волгин И. Л. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 190–191.

Весьма знаменательным является и то обстоятельство, что Достоевский, полемизируя в «Дневнике» с целым рядом изданий, за два года ни разу не затронул «Отечественные записки». Более того: одни из лучших страниц «Дневника» посвящены Некрасову.

Вместе с тем в январском «Дневнике» за 1876 г. Достоевский подвергает уничтожающей критике статью В. Г. Авсеенко, напечатанную в «Русском вестнике»⁷⁹. Причём критика эта касается не частных, а глубоко принципиальных вопросов.

Можно было бы ещё указать примеры скрытой полемики в «Дневнике» – полемики, которая, будучи по форме безадресной, своим остриём была направлена против тех или иных положений, защищаемых консервативной печатью⁸⁰.

Поэтому можно понять Венгерова, который писал в «Новом времени»: «Что, господа московские – спасители отечества, приходится вам и совсем прикусить язычок... Вот и Достоевский ушёл от вас. Да и как ушёл! Даже не признал противников демократизма воюющей стороной... И это высказал автор “Бесов”. Как хотите, но тут следует видеть сильное знамение времени и знамение не мимолётное: Достоевские не меняют своих взглядов “так себе”, потому что все теперь либеральны. Нет, тут следует видеть торжество идеи, торжество полное, без всяких оговорок»⁸¹.

Конечно, восторги Венгерова несколько преждевременны. С «Дневником» дело обстояло гораздо сложнее. Но в данном случае важно то, каким образом публицистическая деятельность Достоевского преломлялась в умах его современников.

Разумеется, не следует преувеличивать степени «полевления» Достоевского в последний период его жизни. Красный колпак санкюлота столь же мало подходит автору «Дневника», как и мрачный плащ инквизитора. Идеино-художественная система Достоевского – со всеми её сильными и слабыми сторонами – достаточно серьёзна и обусловлена достаточно вескими историческими причинами, чтобы не служить экспериментальным полем для подобного рода стратегем.

Водораздел между Достоевским и лагерем русской революционной демократии был гораздо более глубок и принципиален, нежели это может показаться, если исходить лишь из материалов текущей периодики. Водораздел этот проходил отнюдь не по идейной периферии. Он затрагивал главнейшие жизненные центры: отношение к религии, к атеизму, к самодержавному государству, к будущему России и к революции.

Ни по одному из этих вопросов точка зрения Достоевского не совпадала со взглядами представителей либеральных или народнических кругов. Как, впрочем, не совпадала она и с идеологической моделью охранителей. У Достоевского была своя точка зрения. Она не исчерпывалась отдельными положениями «Дневника писателя», а заключалась в нём *как в целом*. «Дневник писателя» – литературный и исторический феномен, отразивший не только коллизии русской жизни, но и глубокую духовную самобытность своего творца.

В январе 1878 г. В. П. Буренин следующим образом подвёл итоги двухлетней деятельности автора «Дневника»: «“Дневник” г. Достоевского был таким оригинальным и, главное, таким глубоко искренним изданием, что он приобрёл себе самые живые симпатии не только у читателей, но даже и среди наших журнальных кoterий, которые любят называть себя партиями... Без всякого сомнения в нашей периодической литературе немного насчитывается изданий, могущих по внутреннему интересу конкурировать с этим маленьким журналом, издававшимся одним лицом, без помощи каких бы то ни было сотрудников»⁸².

⁷⁹ См.: Русский вестник. 1876. Март. С. 362–367.

⁸⁰ Любопытна запись Достоевского в подготовительной тетради к «Дневнику»: «Банкротство консервативной партии, бойцы были Катков и Леонтьев (имеется в виду Павел Михайлович Леонтьев – соредaktor М. Н. Каткова по “Русскому вестнику”. – И. В.) – устарели... “Русский мир”, позор бессилия и неумения вести дело» (Лит. наследство. Т. 83. С. 404).

⁸¹ Новое время. 1876. № 107. 17 июня.

⁸² Буренин В. П. Литературные очерки // Новое время. 1878. № 681. 20 янв.

Достоевский записывает в своей последней записной книжке: «Я ничего не ищу, и ничего не приму, и не мне хватать звёзды (т. е. ордена. – *И. В.*) за моё направление»⁸³.

Подытоживая высказывания печати о «Дневнике писателя», можно заключить, что последний не обрёл прочной поддержки со стороны какого-либо общественного лагеря.

«Дневник» не воспринимается русской прессой как некая целостность, а оценивается «изолированно» – по тем или иным отдельным своим положениям. (Подобное восприятие перейдёт затем в историко-литературную традицию.) Печать высказывается о «Дневнике» крайне противоречиво, причём некоторые органы могут менять свои оценки («Голос», «Биржевые ведомости»). Наиболее резкой критике подвергается «Дневник» со стороны либеральной прессы. Вместе с тем моножурнал Достоевского не получает никакой реальной поддержки «справа», а иногда даже удостоивается враждебных выпадов с этой стороны. Демократическая печать либо полемизирует с «Дневником» по отдельным вопросам («Дело»), либо сохраняет по отношению к нему известную сдержанность («Отечественные записки»). Сам же «Дневник» ведёт полемику только с либеральными и консервативными органами («Русским вестником», «Вестником Европы», «Биржевыми ведомостями»), не задевая оппонентов «слева»⁸⁴.

Современная «Дневнику» журналистика единодушно отмечает самостоятельность издания и, как правило, не причисляет его ни к одному из существующих направлений. При этом, однако, собственное направление «Дневника» фактически никак не определяется: оно получает в оценках прессы сугубо эмоциональные характеристики (искренность, откровенность и т. п.).

Естественно, на следующем этапе изучения «Дневника» необходимо сопоставить его точку зрения по конкретным общественным вопросам с позициями других печатных органов и – шире – с умонастроениями эпохи. Но уже теперь мы приходим к выводам, немаловажным для понимания его идейной истории. Последняя, однако, останется неполной без анализа отношения к «Дневнику» его собственных читателей.

К этому сюжету мы и обратимся.

Глава 4

Редакционный архив

«Не надо заводить архива...»

Посмертный архив Достоевского отразил судьбу своего хозяина.

Всю его жизнь та сила, которую, если угодно, можно назвать предопределением или роком, гнала его с места на место. Из любезного ему отчего дома – в мрачные дортуары Инженерного училища, с шумных пятниц Петрашевского – в смрадные казармы омской каторги, в семипалатинскую глушь, в забытую Богом Тверь, а затем – на людные перекрестки Европы, в меблированные комнаты Дрездена, Флоренции, Эмса...

Не было собственного угла, гнезда, очага, пристанища. Своей Ясной Поляны. Тихое старорусское жилище явилось только в самом конце...

В одном Петербурге Достоевский сменил около двадцати квартир. Постоянные переезды не способствовали заведению архивов. Рукописи – черновики, записные книжки, письма – оставались у родственников, пылились на чердаках, терялись. В недрах III Отделения бес-

---

⁸³ Из записной тетради 1880–1881 гг. (Критикам) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 27. С. 86.

⁸⁴ Разумеется, это внешнее «перемирие» не могло быть достаточно прочным, ибо «Дневник» внутренне полемичен по отношению к самим основам революционно-демократической идеологии. Для «Дневника» вообще характерны приёмы «зашифрованного» диалога (см., напр.: *Борщевский С.* Щедрин и Достоевский. М.: Гослитиздат, 1956).

следно канули бумаги, взятые при обыске и аресте. В 1871 г., возвращаясь в Россию, Достоевский собственными руками уничтожил целый чемодан рукописей. «Мы растопили камин и сожгли бумаги... – горестно вспоминает Анна Григорьевна. – Мне удалось отстоять только записные книжки...»⁸⁵

«Дневнику писателя» в этом смысле повезло. Он создавался в обстановке более или менее налаженного быта, когда внезапные катастрофы уже не прерывали нормального течения жизни. Большинство дошедших до нас рукописей и писем Достоевского приходится именно на 1870-е гг.

Редакционного архива «Дневника писателя» как такового, собственно, не существует. Ни в одном нашем хранилище – ни в Российской государственной библиотеке, ни в Российском государственном архиве литературы и искусства, ни в Пушкинском Доме – относящиеся к «Дневнику» материалы не выделены в какой-то особый фонд. Они включаются, как правило, в состав общих фондов Достоевского. Поэтому о редакционном архиве «Дневника» приходится говорить лишь в некоем собирательном смысле.

Между тем этот комплекс документов, несомненно, имеет самостоятельное значение. Он проливает свет на доселе совершенно неизвестную «подводную» сферу творческого бытия Достоевского.

Помимо рукописей «Дневника», значительную часть редакционного архива составляют читательские письма. О них скороговоркой упоминают многие исследователи. Более того, почти все они зарегистрированы в обстоятельном «Описании рукописей Ф. М. Достоевского»⁸⁶. Но сами письма никогда специально не изучались и до последнего времени практически не были введены в научный оборот⁸⁷.

«Дневник писателя» и его эпистолярия – в их взаимосуществовании, в их динамическом двуединстве запечатлён немаловажный момент русской исторической жизни. С одной стороны – Фёдор Михайлович Достоевский – мировой гений, волею судеб оказавшийся в перекрестье глубочайших противоречий своей родины. С другой – его читатели и современники, жаждущие немедленного разрешения разнообразнейших проблем – от мучительных загадок бытия до самых обычных житейских недоумений.

Вопросы стиля мало занимают корреспондентов «Дневника». Но если одни читатели – деловиты, сухи, немногословны, то другие пытаются отвести душу – и в коротенькой отрывке, и на десятках густо исписанных страниц.

Письмо – важнейшее звено в цепи, связующей «Дневник» с его аудиторией. Остановимся же на этом звене подробнее.

Письма читателей

Воссоздавая умственную атмосферу минувшего времени, историк общественной мысли регистрирует не одни лишь ураганы и грозы, бушевавшие в этой насыщенной или, наоборот, разреженной атмосфере. Он пытается ощутить тончайшие колебания духовного микроклимата, стремится постичь почти неуловимые нюансы социальной жизни, которые, оставаясь, как правило, недоступными для методов крупномасштабного исторического исследования, составляют тем не менее существенную предпосылку научной полноты и достоверности.

В нестройном и разноречивом конгломерате исторических документов далеко не последнее место занимает частная переписка. Источники эпистолярного характера остаются для нас

---

⁸⁵ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 198.

⁸⁶ Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957.

⁸⁷ См. нашу публикацию: Волгин И. Л. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому.

незаменимым свидетельством отношений, которые связывали между собой различных членов общества, а также в достаточной мере характеризуют состояние самого этого общества.

Специфика письма как исторического источника определяется его функциональным назначением и местоположением в ряду других документальных материалов. Частное письмо, всегда являясь актом индивидуального творчества, несёт на себе неизгладимую печать личности. С одной стороны, оно свободно от обкатанных, безликих форм служебной переписки и официального делопроизводства. С другой, будучи по самой своей сути предназначено для чужого глаза, письмо всегда направленно – в том смысле, что, в отличие, например, от дневниковой записи, призвано произвести немедленное действие на своего предполагаемого адресата.

В то же время частное письмо не предназначается, как правило, для публичного прочтения и поэтому с большей, чем печатный источник, откровенностью обнажает смысл занимающих общество проблем. Частная переписка касается этих проблем тем настойчивее, чем сильнее бывает на данном историческом отрезке стеснена печать.

Нередко частное письмо обнаруживает тайные пружины общественной и политической жизни и ставит точку над тем, где печатный источник предпочитает туманную недосказанность или осторожные намёки.

Сопоставляя письма с другими материалами (прессой, мемуарами и т. д.), включая их в единую источниковедческую цепь, мы получаем возможность высветить скрытые до поры моменты действительности, уточнить исторические, биографические и бытовые акценты, правильнее оценить степень накала и характер общественных страстей. Письмо запечатлевает эпоху на уровне её собственной рефлексии, её собственной самооценки.

Каждое письмо, полученное автором «Дневника», так или иначе становилось фактом его писательского сознания.

Вводя в научный оборот письма читателей к Достоевскому, мы получаем возможность расширить представления об идейных и личных связях писателя⁸⁸. Не менее важно проследить «обратную связь»: воздействие «негласного» общественного мнения на процесс создания «Дневника».

Диапазон читательских писем очень велик; он отражает тематический размах публицистики Достоевского.

Подытоживая свои впечатления от писем, полученных им за год, автор «Дневника» писал, что, исходя из этой корреспонденции, «можно сделать несколько особых отметок уже на основании опыта о нашем русском умственном теперешнем настроении, о том, чем интересуются и куда клонят наши непраздные умы, кто именно наши непраздные умы, причём выдаются любопытные черты по возрастам, по полу, по сословиям и даже по местностям России»⁸⁹.

Сам писатель, к сожалению, не сделал подобных «отметок». Однако, опираясь на его архив, мы в состоянии хотя бы частично выполнить эту задачу.

О том, «куда клонят наши непраздные умы», будет сказано ниже. Здесь же мы попытаемся расшифровать общую формулу читательского успеха «Дневника», в данном случае – его количественную сторону.

Рассмотрим всю совокупность читательских писем за 1876–1877 гг. Их общее количество равняется 192.

⁸⁸ Иногда даже простая просьба о подписке значит очень много: Покорнейше прошу редакцию выслать мне «Дневник писателя» по следующему новому адресу: в Череповец (Новгород, губ.) через Рыбинск в с. Молечкино – Николаю Васильевичу Шелгунову. При сём прилагаются три почтовые марки. Н. Шелгунов. 1 мая 77. Новгород (РГБ. Ф. 93. Разд. II. Картон 9. Ед. хр. 136). Интересно сравнить это неопубликованное письмо Н. В. Шелгунова с фразой из также неопубликованного письма к Достоевскому П. А. Гайдебурова (1876 г.): «С Вами очень интересуется познакомиться Шелгунов, который тоже будет на обеде» (РГБ. Ф. 93. Разд. II. Картон 2. Ед. хр. 63).

⁸⁹ Дневник писателя. 1877. Март. (Похороны «Общечеловека») // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 25. С. 88–89.

Корреспонденция за каждый год в численном выражении примерно одинакова: 92 письма – за 1876 г.; 100 писем – за 1877 г. (в том числе несколько помеченных 1878 г., но тематически относящихся к «Дневнику» 1877 г.); подписанных писем – 168; анонимных писем – 24 (без подписей, подписанных инициалами, с условными подписями и т. п.); 154 письма принадлежат мужчинам, 38 – женщинам.

По месту отправления эта корреспонденция распределяется следующим образом: из городов – 144, в том числе из Петербурга – 56, из Москвы – 14, из провинции – 122 (в том числе из сёл, местечек, железнодорожных станций – 27)⁹⁰.

Цифры эти имеют, конечно, относительное значение, ибо они неполны. Вся совокупность писем не поддаётся жёсткой тематической дифференциации. В своих подсчётах мы учитывали лишь корреспонденцию, непосредственно относящуюся к «Дневнику писателя». Кроме того, есть основания полагать, что далеко не все читательские письма до нас дошли⁹¹.

Несколько десятков писем содержат просьбу о подписке. Иногда к этой просьбе добавляется краткая оценка издания. Другие послания целиком посвящены каким-то конкретным вопросам, в них содержатся отклики на те или иные главы «Дневника». Со своей стороны, корреспонденты ставят перед писателем волнующие их проблемы⁹².

Анализ эпистолярной «Дневника» в общем может дать довольно исчерпывающее представление о нравственно-психологическом уровне его читателей. Но прежде необходимо выяснить, широк ли этот круг, кого он в себя включает и каков, собственно, его социальный спектр.

Тираж. Подписка. Распространение

В марте 1877 г. Достоевский получил следующее письмо:

Милостивый государь Фёдор Михайлович.

Пишущий сии строки, будучи уверен, что «Дневник» Ваш расходуется в почтенном количестве экземпляров, покорнейше просит Вас, если найдете возможным, сообщить о том несколько числовых данных. Да не покажется Вам странным такой вопрос: он вызван искреннейшим уважением к Вашей нового рода деятельности на литературном поприще, и отсюда – желание иметь некоторое представление о количественном распространении «Дневника» в русском обществе.

*Один из постоянных Ваших читателей (неподписчиков) Н. С. Дрентельн.
Офицерская улица, дом № 29, кварт. 7⁹³.*

Автором этого письма был, очевидно, Николай Семенович Дрентельн, впоследствии – известный физик-популяризатор, доживший до 20-х гг. прошлого века. В 1877 г. он – еще

⁹⁰ Надо иметь в виду, что ряду корреспондентов принадлежат по несколько писем.

⁹¹ Достоевский говорит о нескольких сотнях писем, полученных им за полтора года издания «Дневника», причём отмечает, что из них «по крайней мере, сотня (но наверно больше) было анонимных». А. С. Долинин утверждает, что автор «Дневника» получал до четырехсот писем в год (*Достоевский Ф. М. Письма. М.—Л., 1934. Т. 3. С. 5*). Если исходить из этих цифр, то следует признать, что до нас дошло около $\frac{1}{4}$ всей корреспонденции.

⁹² Некоторые просьбы о подписке (1880–1881 гг.) содержат любопытнейшие отклики на последний роман Достоевского: «С нетерпением ждём суда над Митей Карамазовым» (Евг. Садовская, жена воинского начальника, г. Белебей Уфимской губ., 22 сентября 1880 г. // ИРЛИ. Ф. 106. № 29841. ССХ16.П), «За Карамазовых спасибо; а Алёшу следовало бы продолжить...» (И. М. Софийский, заведующий городским училищем в г. Перовске Сыр-Дарьинской области // ИРЛИ. Ф. 100. № 29859. ССХ16.П). Последнее письмо отправлено 24 января 1881 г. и, таким образом, уже не застало адресата в живых. Интересно, что автор письма высказывает заветное желание самого Достоевского. Подробнее см.: Последний год Достоевского. С. 36–55.

⁹³ РГБ. Ф. 93. Разд. II. Картон 4. Ед. хр. 41 (письмо датируется по почтовому штемпелю – 14 марта).

совсем молодой человек, недавно вышедший из гимназии⁹⁴. На конверте его письма Достоевский кратко пометил: «Известить Дрентельна. Отвечено».

Ответное письмо Достоевского до нас не дошло. Однако можно предположить, какая именно цифра была названа в этом ответе. «“Дневник писателя” на 1876 год имел 1982 подписчика, – свидетельствует Н. Н. Страхов, – и, кроме того, в розничной продаже каждый номер расходился в 2000–2500 экземплярах. Некоторые номера потребовали 2-го и даже 3-го издания, напр<имер> январский. В 1877 году было около 3000 подписчиков и столько же расходилось в розничной продаже»⁹⁵. Надо полагать, Страхов пользовался информацией из первых рук.

Страхов пишет, что январский номер «Дневника» потребовал второго издания. Достоевский не желал рисковать: первый «Дневник» вышел сравнительно небольшим, пробным тиражом, а затем, по мере распространения, последовала допечатка. Мнительный автор «Дневника» боялся поверить в успех своего предприятия.

Он тревожился, осторожничал, прикидывал, страхась сглазить начатое дело. Само дело было достаточно необычным, и у Достоевского не имелось никаких гарантий, что оно пойдет так, как ему хотелось бы. С годами автор «Игрока» научился ограничивать «безудерж» своих порывов; он рассчитывал ставки уже не столь азартно и опрометчиво, как раньше.

«“Дневником” моим я мало доволен, хотелось бы в 100 раз больше сказать», – сетует Достоевский в письме к Я. П. Полонскому через четыре дня после выхода первого номера. И тут же добавляет: «В четыре дня продал 3000 экземпляров в Петербурге. Что же до Москвы и до городов, то не знаю, продается ли там хоть один экземпляр, так это не организовано, и к тому же все буквально не понимают, что такое “Дневник” – журнал или книга?»⁹⁶

Опасения Достоевского оказались напрасными. Провинция отнюдь не осталась безучастной к столичному новшеству: читателей не только не отпугнула, а скорее даже привлекла размытость границ между привычными категориями печатной продукции⁹⁷.

Проходит всего лишь месяц, и тон Достоевского становится куда увереннее.

10 марта 1876 г. он сообщает брату Андрею Михайловичу: «Издаю “Дневник писателя”, подписка не велика, но покупают отдельно (по всей России) довольно много. Всего печатаю в 6000 экземплярах и всё продаю, так что оно, пожалуй, и идет»⁹⁸.

Анна Григорьевна в своем неопубликованном письме к тому же Андрею Михайловичу подтверждает слова мужа и добавляет к ним любопытные подробности: «“Дневник” пошел сильно в ход, кроме годовых подписчиков (их у нас до полутора тыс<яч>)⁹⁹, у нас отлично идет розничная продажа; мы издаём “Дневник” в 6 тысячах и почти всё продаём. Но, не довольству-

⁹⁴ И. И. Попов в своей книге «Минувшее и пережитое» (М.—Л., 1934. С. 39, 41) свидетельствует о знакомстве Н. С. Дрентельна с В. М. Гаршиным и его близости к народническим кругам. Любопытно, что родной дядя этого корреспондента Достоевского – Р. Л. Дрентельн – был командующим войсками Киевского округа, а с 1878 по 1880 г. – начальником III Отделения и шефом жандармов.

⁹⁵ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 300 (1-я паг.).

⁹⁶ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 74.

⁹⁷ О том, что Достоевский пытался наладить связи с провинциальной прессой, свидетельствует письмо редактора «неофициальной части» «Казанских губернских ведомостей» Николая Фирсовича Юшкова: «Прочитав в различных столичных органах прессы о Вашем намерении предпринять оригинальное и небывалое до сих пор издание “Дневника писателя”, я тотчас же был намерен сам войти в сношение с Вами по Вашему изданию, но Вы предупредили меня, прислав предложение вступить с Вами в обмен изданиями» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29912. ССХІ6.14). Письмо Достоевского, о котором говорит здесь Юшков, неизвестно. Но уже в наши дни опубликовано его второе письмо к Юшкову, где он, в частности, пишет: «Высылаю Вам желаемые Вами два экземпляра моего “Дневника” и десять на комиссию. Казань город чуть не в 100 000 жит<елей>. Может что и сделаете с “Дневником”. Здесь в Петербурге он имел успех для меня неожиданный в эти первые пять дней по появлении» (Встречи с прошлым. М., 1970. С. 49).

⁹⁸ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 75–76.

⁹⁹ Н. Н. Страхов, как мы помним, называет другую цифру – 1982. Разница объясняется тем, что подписка была открыта в течение всего года.

ясь тем, что «Дневник» расходится в Петербурге и в Москве, я распространяю его в провинции и разослала знакомым книгопродавцам в Киеве, Одессе, Харькове и Казани. Оттуда приходят ко мне добрые вести: напр<имер>, в Казани Дубровин в несколько дней продал 125 экз. 1-го №, просил высылать ему по 100 экз. ежемесячно; в других городах продажа идёт тоже очень успешно»¹⁰⁰.

Успех «Дневника» станет более очевиден, если сопоставить его тираж с тиражами других повременных изданий.

«Дневник писателя» относился к числу подцензурных органов; его годовой объём составлял около 21 ¼ печатных листов¹⁰¹, а тираж колебался от 4 до 6 тыс. экземпляров («ножницы» объясняются некоторым падением розничной продажи в летние месяцы)¹⁰².

Между тем тираж такого солидного журнала, как «Дело», не превышал 5300–5500 экземпляров, «Библиотеки для чтения» – 1000–2000 экземпляров, «Задуманного слова» – 3000. Мы намеренно взяли столь различные по характеру издания. Все они, как и «Дневник писателя», были подцензурными органами, но, в отличие от «Дневника», обладали прочно устоявшейся репутацией. Тем не менее тираж этих изданий уступал – и иногда значительно – тиражу «Дневника». Лишь «Отечественные записки» имели тираж, достигавший 8120 экземпляров¹⁰³.

Таким образом, ежемесячник Достоевского, вся редакция которого состояла из одного человека, мог успешно конкурировать с крупнейшими современными изданиями, каждое из которых обладало собственным редакционным аппаратом, штатом сотрудников и значительным контингентом авторов.

При этом важно помнить, что «Дневник» ни в какой мере не дублировал другие издания. Его объём был в 10–15 раз меньше объёма обычного толстого журнала. Соответственно, меньшей была и цена¹⁰⁴.

По периодичности «Дневник» приближался к ежемесячному журналу, по объёму – к большой ежедневной газете, а по признаку авторства – к отдельной книге¹⁰⁵.

Для книги тираж в 6 тыс. экземпляров очень значителен (романы Достоевского выходили, как правило, тиражом в 2–3 тыс. экземпляров). Если рассматривать «Дневник писателя» как книгу, то книга эта, несомненно, была бестселлером.

Тираж «Дневника» оставался стабильным на протяжении всех двух лет издания. Очевидно, его успех в 1876–1877 гг. определялся какими-то более или менее устойчивыми факторами.

Значительная часть тиража «Дневника писателя» (примерно $\frac{2}{3}$) реализовывалась через розничную продажу. «Подписка на “Дневник писателя”, – говорит М. А. Александров, – хотя и принималась с самого начала издания, но она никогда не была относительно велика... в Петербурге большинство читателей предпочитало простую покупку выпусков подписке потому, что

¹⁰⁰ ИРЛИ. Ф. 56. № 56. Л. 1–1 об.

¹⁰¹ Следует помнить, что печатный лист измерялся в то время печатными страницами (16 на лист), а не количеством знаков.

¹⁰² Официальные сведения об объёме «Дневника» и его тираже приводятся по отчётам цензурного ведомства за 1876 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 11, 1877. Ед. хр. 1. Л. 105).

¹⁰³ РГИА. Ф. 776. Оп. 11, 1877. Ед. хр. 1. Л. 108: «Отечественные записки» формально были освобождены от предварительной цензуры.

¹⁰⁴ Сравнительно низкая цена «Дневника» (20 коп. за один выпуск в 1876 г. и 25 коп. в 1877 г.) была не последним доводом в его пользу. Приведём характерное в этом смысле письмо: «4 марта 1877. Кутаис. Милостивый государь Фёдор Михайлович! Признавая верным мерилom общественной жизни издаваемые Вами записки “Дневник писателя” и живо передающим воспринятые из оной впечатления – имею честь просить Вас переслать и мне эти записки как полезные для всякого и в особенности для подрастающей молодежи, не имеющей возможности иметь более обширнейшего журнала по дороговизне их. Почтитель Ваш Ан. Гуладзе» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29686. ССХІ6.3).

¹⁰⁵ В подзаголовке «Дневника» значилось «ежемесячное издание». Характерно, что сам Достоевский (в официальных документах) употребляет только этот термин. Лишь однажды, в прошении об освобождении «Дневника» от предварительной цензуры, Достоевский, очевидно из тактических соображений, именует его «книгой».

купить новый выпуск у торговцев газетами всегда можно значительно ранее, чем получить его по подписке чрез почту, несмотря на то, что покупка обходилась дороже подписки... Это обстоятельство, между прочим, довольно наглядно показывает, с каким нетерпением ждали выпусков «Дневника писателя» читатели его»¹⁰⁶.

Преобладание розничной продажи над подпиской объясняется не только теми причинами, на которые указывает Александров, но и относительной неразвитостью самого книготоргового дела. В 1870-х гг. русская читающая публика (особенно мало- и среднеимущая) с подозрением и неохотой вверяла свои подписные деньги в руки многочисленных, но, увы, не слишком надёжных посредников. Более всего страдал, конечно, иногородний подписчик.

«Он совершенно беззащитен, – так определяли положение провинциального читателя «Отечественные записки». – Его отношения к книготорговцу такие же, как отношения просителя к своему начальству или бывших крепостных к своему барину. Отправил он книгопродавцу деньги с просьбой выслать книги или журналы, и сиди смирно, жди, что книгопродавцу угодно будет сделать. Вышлет он требуемые книги или журналы – ладно; говори: «слава Богу»; нет – и дело с концом; значит, деньги пропали»¹⁰⁷.

Подобная участь едва не постигла некоторых подписчиков «Дневника». Книгопродавец Базунов, в магазине которого принималась подписка на «Дневник», внезапно обанкротился и, прихватив с собой 50 тыс. рублей чужих денег, скрылся за границу. Правда, по отношению к Достоевскому он проявил удивительную лояльность и благородство. Писатель с удовлетворением сообщает коллеге Базунова М. П. Надеину, что исчезнувший банкрот «нашёл нужным однако расплатиться со мной и выдал мне все сполна накопившиеся у него подписные деньги за «Дневник»». И Достоевский тут же находит наиболее убедительное, как ему кажется, объяснение подобной щепетильности Базунова: «Я полагаю, он руководствовался всё тем же, неминуемым в сем случае соображением, что мне не отдать *всех грешнее*, что тут значит взять последнее у того, который в 54 года от роду всё ещё живёт тягчайшим литературным трудом, работает по ночам, к сроку, несмотря на свои две большие болезни...»¹⁰⁸

Достоевский верен себе: он ищет нравственные первопричины. Между прочим, сумма подписных денег была не столь велика – около 330 рублей...

И всё же не обошлось без жертв. Так, житель Конотопа Андрей Андреевич Кандыба горестно сообщал Достоевскому, что вследствие банкротства Базунова он потерял-таки подписку на «Дневник». «Таким образом, – сетует Кандыба, – я лишён удовольствия получить журнал уважаемого мною сочинителя, которого сочинения я все имею. В глуши, где только есть забава для ума, – это великое наказание»¹⁰⁹.

Достоевский был очень обеспокоен подобными фактами. Вероятно, поэтому в тетрадях Анны Григорьевны иногда дублируются адреса тех подписчиков, которые сочли необходимым подписаться на «Дневник» через книжные магазины.

Не следует думать, что автор «Дневника» занимался исключительно «чистой работой» и не снисходил до таких деталей, как рассылка тиража или публикация объявлений. Нет, Достоевский старался вникнуть в каждую мелочь. Он поддерживал личные отношения со многими петербургскими и московскими книгопродавцами: некоторые из них обращались по делам «Дневника» непосредственно к его автору:

Милостивый государь Фёдор Михайлович.

Покорнейше прошу отпустить сему покупателю 300 экзemplяров>
Вашего журнала № 2 и получить деньги 39 руб. Почему Вы не публикуете, что

¹⁰⁶ Русская старина. 1892. Апрель. С. 205–206.

¹⁰⁷ Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1876. Март. С. 151.

¹⁰⁸ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 126.

¹⁰⁹ ИРЛИ. Ф. 100. № 29737. ССХ16.5 (письмо от 2 сентября 1876 г.).

Ваш журнал продаётся в Москве у Живарёва, а также и принимается подписка, Живарёв это не Базунов, Живарёв делает на деньги. Вот его принцип.

*Ваш слуга Д. Н. Овсянников. 2 марта 1877 г.*¹¹⁰

Петербургский книгопродавец Овсянников брал довольно значительное количество экземпляров и сразу же вносил около половины их стоимости. По-видимому, исходя из опыта, он был уверен в успешной реализации.

Косвенные доказательства большого успеха «Дневника» можно обнаружить даже в таких курьёзных фактах, как «зачитка» отдельных номеров на почте. В письме от 18 апреля 1877 г. Дмитрий Васильевич Гире, житель совсем неприметного в то время местечка Каховка Таврической губернии, просит Достоевского вторично выслать мартовский номер «Дневника», поскольку корреспондент убежден «в пропаже или, вернее, зачитке... номера здесь, в месте получения. С некоторого времени... – возмущенно продолжает Гире, – болезнь эта – “зачитка” в почтовых учреждениях или почтовыми лицами не им адресованных из явления эпидемического воистину переходит в хроническое. Я состою подписчиком на Ваше издание по второму году, а настоящая пропажа номера по счету для меня третья. Кого винить?» И подписчик из Каховки предлагает следующий радикальный выход: «Мы, публика, смотрим на Ваше издание как на периодическое – и крайне были бы благодарны, если бы Вы не отказали гарантировать нам верное получение Вашего “Дневника” рассылкой оною – как признаваемого нами издания – через газетную экспедицию»¹¹¹.

Напрасно Достоевский уверял, приступая к «Дневнику»: «Я никакого журнала не издаю, я хотел бы издавать сочинение и, не имея к тому средств, думаю издать по подписке»¹¹². Читатели видели в «Дневнике» именно периодический журнал и предъявляли к нему – в смысле распространения – соответствующие требования.

Однако каковы объективные показатели бесспорного успеха «Дневника»? Задавшись подобным вопросом, мы попытались перевести эмоции современников Достоевского на сухой язык цифр. Нас интересовали как арифметика этого успеха, так и его география.

К сожалению, в нашем распоряжении нет полных и исчерпывающих данных. Поэтому мы вынуждены ограничиться меньшей частью тиража, именно той, что расходилась по подписке.

Гроссбухи Анны Григорьевны

До сих пор особого внимания не привлекали находящиеся в бумагах А. Г. Достоевской толстые тетради в твёрдом картонном переплёте. В эти тетради Анна Григорьевна с присущей ей педантичностью заносила фамилии подписчиков «Дневника», их домашние адреса и, таким образом, регистрировала просьбы о высылке издания. Нам оставалось проанализировать эти источники. Приводимые ниже подсчёты относятся как к индивидуальной, так и, выражаясь современным языком, ведомственной подписке.

Статистической обработке было подвергнуто около 2020 адресов, занесённых Анной Григорьевной Достоевской в подписную тетрадь «Дневника писателя» за 1877 г.¹¹³ Несомненно, это адреса значительного большинства подписчиков.

Итак, ниже следуют суммарные и дифференцированные подсчеты, относящиеся к 1877 г.:

---

¹¹⁰ Там же. № 29796. ССXI.8.

¹¹¹ РГБ. Ф. 93. Разд. II. Картон 2. Ед. хр. 88.

¹¹² Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 71.

¹¹³ ИРЛИ. Ф. 100. № 30729. ССXVI.18. Л. 1 – 54 об.

Общее количество населённых пунктов, где «Дневник» распространялся по подписке	660.
Населённые пункты, где «Дневник» распространялся:	
в 1 экземпляре	389
от 2 до 5 экз.	217
от 6 до 10	31
более 10	23.
В том числе:	
Петербург	358 экз.
Москва	120
Одесса	32
Казань	30
Харьков	20
Киев	19
Тифлис	19
Новгород	18
Новочеркасск	18
Орёл	17
Курск	17
Полтава	17
Саратов	16
Калуга	16
Нижний Новгород	15
Кишинёв	15
Самара	14
Елисаветград	14
Таганрог	12
Варшава	12
Воронеж	12
Севастополь	12
Кострома	11
Ведомственная подписка:	
Библиотеки	74 экз.
Различные учреждения (клубы, благородные собрания, суды, войсковые соединения, редакции и т. д.)	69
Учебные заведения	18

Полученные цифры не могут не навести на некоторые размышления. Прежде всего бросается в глаза огромное количество населённых пунктов (660), куда достигали номера «Дневника писателя». Можно сказать, что границы его распространения практически совпадали с границами читающей России (увы, до Урала).

Привлекает внимание сравнительно высокий уровень подписки в университетских городах (Казань, Киев, Харьков), а также в традиционных центрах промышленности и торговли (Нижний Новгород, Тифлис, Одесса, Саратов и т. п.).

«Дневник писателя» выписывало большое количество библиотек, клубов, учебных заведений и других учреждений. Очевидно, что о так называемой массовой подписке можно говорить весьма условно, да и то применительно лишь к столицам.

Теперь сопоставим суммарное число подписчиков в Петербурге и Москве с общим их количеством по всей стране. Что мы увидим?

Столицы 478 экз.

Провинция 1542 экз.

Таким образом, подписка на «Дневник» в провинции более чем в три раза превышает суммарную подписку на него в Петербурге и Москве.

Тетрадь Анны Григорьевны заполнена бесчисленными названиями мелких и мельчайших «городов и весей» России: Мценск, Лебедянь, Ливны, Ахтырка, Торжок и т. д. и т. п. — вот по каким пространствам растекается этот неплотный, но сравнительно широкий читательский слой, игнорирующий капризы розничной торговли¹¹⁴. К тем полутора тысячам экземпляров, которые расходились в провинции по подписке, допустимо при самой большой осторожности прибавить еще 1000–1200 экземпляров розницы. Таким образом, можно утверждать, что около половины тиража «Дневника писателя» поглощалось провинцией¹¹⁵. Отсюда следует, что «Дневник писателя» по характеру своего распространения являлся изданием общенациональным.

Кто же выписывал «Дневник писателя»? На каких ступенях социальной лестницы находились люди, вопрошавшие Достоевского о смысле жизни и требовавшие от него разрешения их житейских и нравственных затруднений?

Тетради Анны Григорьевны, как правило, не содержат сведений о сословном положении подписчиков. Отсутствуют подобные сведения и в других материалах по изданию «Дневника». И всё же тут можно внести некоторую ясность.

Когда после смерти Достоевского в 1881 г. выход только что возобновлённого «Дневника» замер на январском выпуске, вдова писателя приступила к ликвидации всех дел издания. Итогом её многочисленных хлопот явилась огромная записная книга, скрупулёзно зарегистрировавшая расчёты с подписчиками, возврат им денег за недоданные номера и т. п.

Этот пухлый источник¹¹⁶ свидетельствует не только о распорядительности и практической сметке Анны Григорьевны. В упомянутую книгу наряду с громадным количеством почтовых расписок и подписных квитанций аккуратно подшито и несколько сот писем. Они принадлежат подписчикам «Дневника».

Нет оснований полагать, что в 1881 г. состав подписчиков претерпел сколь-нибудь значительные изменения по сравнению с 1876–1877 гг. Очевидно, новые подписчики «Дневника» рекрутировались из тех же слоёв. Поэтому мы сочли возможным выйти за принятые нами хронологические рамки и проанализировать данные 1881 г.¹¹⁷ Они распределяются следующим образом:

¹¹⁴ При этом не надо забывать, что жителю Москвы и Петербурга, не подписавшемуся на «Дневник писателя», было несравненно легче купить его у книгопродавцев, нежели, скажем, жителю Трубчевска или Бузулука.

¹¹⁵ По-видимому, в Петербурге обычно расходилось всё же менее 3 тыс. экземпляров (см.: *Достоевский Ф. М. Письма*. Т. 3. С. 203). Одновременно налаживались постоянные связи с провинциальными книгопродавцами.

¹¹⁶ Книга содержит 1249 листов (РГБ. Ф. 93. Разд. III. Картон 3. Ед. хр. 1).

¹¹⁷ Конечно, далеко не все корреспонденты обозначали «своё имя и звание», лишь некоторые из них сообщали сведения подобного рода.

Учителя	20
Служащие суда и прокуратуры	13
Военные	13
Чиновники различных ведомств	12
Лица духовного звания	4
Врачи	3
Инженеры	3
Студенты	1

Цифры эти имеют, разумеется, относительную ценность, ибо они неполны. Но думается, что в общем тенденция отражена верно и массовый статистический подсчёт (если бы мы располагали необходимыми данными) дал бы те же пропорции.

Книга содержит 1249 листов (РГБ. Ф. 93. Разд. III. Картон 3. Ед. хр. 1).

Конечно, далеко не все корреспонденты обозначали «своё имя и звание», лишь некоторые из них сообщали сведения подобного рода.

Следует оговориться, что состав каждой из перечисленных категорий далеко не однороден: в число военных наряду с прапорщиком входит генерал-майор, к чиновникам принадлежит как инспектор городского училища, так и начальник Варшавской учебной дирекции, к лицам духовного звания относятся как приходской священник, так и епископ. Но если брать эти данные в их совокупности, нельзя не предположить, что основную массу подписчиков «Дневника» составляла мелкая и средняя интеллигенция – тот разнородный, разночинный, образованный и полуобразованный слой, который в 1870-х гг. являлся главным потребителем создаваемых в России духовных ценностей.

Однако в числе подписчиков «Дневника писателя» можно встретить и лиц, принадлежавших к совсем иному социальному кругу. Это, если угодно, весьма знаменательное обстоятельство.

Приведём полностью одно письмо, по своему тону и содержанию резко выделяющееся из всей эпистолярной «Дневника»:

Динабург 1/2 78

Многоуважаемый Фёдор Михайлович!

Я не получил ноябрьского «Дневника» и был бы очень благодарен, если бы Вы нашли возможность дослать его. Затем прибегаю к Вам за советом и указанием: какую газету или еженедельный журнальчик следует выписать в деревню для чтения в крестьянской семье так, чтобы было недорого, незапоздало, занимательно и дельно. В минувшем году выписывал «Мирское слово» 3-рублевого достоинства, так говорят, что не удовлетворяет. Хотим, говорят, знать, что делается на свете и в особенности за Дунаем, своевременно¹¹⁸, да чтобы и читать была охота, а то всё как-то скучно.

Не откажите также и указать на более подходящие книги для народного чтения, только не с подделкою под народный говор.

Вполне полагаясь на Вашу доброту и снисходительность, с нетерпением буду ждать Вашего ответа на сём же

¹¹⁸ Речь идёт о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Ваш истинно преданный и уважающий Вас крестьянин
*В. Соловьёв*¹¹⁹.

«Крестьянин» обозначает в данном случае не род занятий, а сословную принадлежность. В другом своём письме к Достоевскому Виктор Фокеевич Соловьёв несколько высокопарно именуется «смотрителем топлива»¹²⁰. Хотя он служит в Динабурге и является по своему социальному положению скорее пролетарием, нежели крестьянином, его связь с деревней ещё вполне осязаема. В этом смысле фигура В. Ф. Соловьёва очень типична для 1870-х гг.

В бумагах Анны Григорьевны мы обнаружили послание ещё одного крестьянина-подписчика «Дневника». Этот читатель, житель Рязанской губернии, пожертвовал после смерти Достоевского свои подписные деньги на «памятник глубокоуважаемому покойнику»¹²¹.

Разумеется, нелепо предполагать сколь-нибудь широкое распространение «Дневника» в неимущей и малограмотной крестьянской России¹²². Однако даже отдельные факты подобного рода чрезвычайно любопытны: они позволяют судить о проникновении «Дневника» в такие глубины национальной жизни, где встретить его, казалось бы, почти невозможно.

Мы видим, что состав подписчиков «Дневника» достаточно пёстр. Различными поэтому были и просьбы о подписке. Некоторые из них несут на себе отпечаток не только личности подписчика, но, так сказать, и его социальной психологии:

Милостивый государь Фёдор Михайлович.

Покорнейше Вас прошу за приложенные при сем на 20 к. марки выслать мне по адресу Ваше издание «Дневник писателя». В случае, ежели он будет мне полезен, то я вышлю на всё годовое издание деньги, а теперь пока на пробу вышлите за январь месяц один номер Вашей Газеты 1876-й год.

Остаюсь в ожидании Ваш подписчик

В. Ордин. Зыряновск
5-е февраля 1876 г.

Адрес. Через Бухторму в Зыряновский рудник Купцу Василию Александровичу Ордину¹²³.

Прижимистый автор письма, будучи человеком деловым, исходит из сугубо практических соображений. Он не считает возможным рисковать своим капиталом, даже в размере двух рублей с полтиной. Имя Достоевского для него слишком ненадёжное обеспечение.

Но для большинства читателей это было достаточно высоким залогом. Достоевский всё-таки не зря говорил Страхову, что его имя стоит миллион.

---

¹¹⁹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 95.

¹²⁰ Достоевский кратко пометил на конверте: «Кочегар. Французские слова» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29858. ССХ16.11). В этом письме В. Ф. Соловьёв просит Достоевского давать перевод употребляемых в «Дневнике» французских слов и выражений, а также сообщить о состоянии здоровья Некрасова.

¹²¹ РГБ. Ф. 93. Разд. III. Картон 3. Ед. хр. 1. Л. 792.

¹²² Немногочисленные деревенские адреса, встречающиеся в списках подписчиков, принадлежат, скорее всего, сельским врачам, учителям, священникам и т. д.

¹²³ ИРЛИ. Ф. 100. № 29799. ССХ16.8. Судя по почтовым штемпелям, письмо Ордина шло до Петербурга почти месяц.

Глава 5

«Все его любят...»

«Дневник писателя» и его корреспонденты

«Как бы в самом деле...»

«Первый № “Дневника писателя” был принят приветливо, – отмечал Достоевский, – почти никто не бранил, то есть в литературе, а там дальше я не знаю»¹²⁴. Это «там дальше» было огромной и молчаливой terra incognita; молчание, однако, продолжалось недолго. В квартире номер шесть дома Струбинского на Греческом проспекте стали стекаться письма со всех концов России.

Нас не удивляет громадный объём корреспонденции, полученной Львом Толстым в последние два десятилетия его жизни. Но в 1870-е гг. ни один из русских писателей не ощущал в такой степени биения читательского пульса. Непосредственный контакт между писателем и читателем был скорее исключением, нежели правилом.

«Нам, провинциалам, – пишет автору “Дневника” Х. Д. Алчевская, – каждый писатель представляется чем-то чуть ли не мифическим, недостижимым, неслышанным и невиданным. Нам доступно читать его, и только. Видеть, слышать, переписываться мы лишены возможности. И в самом деле, что стало бы с писателем, если бы провинциалам вздумалось атаковать его своей перепиской?!»¹²⁵

«Дневник писателя» создал важный прецедент. Достоевский стоит у истоков чрезвычайно знаменательной отечественной традиции. Создатель «Дневника» выступал не только как его автор, но и как общественный адресат.

«К концу первого года издания “Дневника”, – вспоминает его метранпаж М. А. Александров, – между Фёдором Михайловичем и его читателями возникло, а во втором году достигло больших размеров общение, беспрецедентное у нас на Руси: его засыпали письмами и визитами с изъявлениями благодарности за доставление прекрасной моральной пищи в виде “Дневника писателя”. Некоторые говорили Фёдору Михайловичу, что они читают его “Дневник” с благоговением, как священное писание; на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула, и просили его разрешать их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени»¹²⁶.

Архив Достоевского даёт солидное документальное подтверждение слов старого типографа. Ни один из романов писателя не вызывал такого обильного потока корреспонденции. Очевидно, мы имеем здесь дело с одной из закономерностей общественного сознания.

Почему же именно дневниковая проза Достоевского вызвала столь сильный общественный резонанс?

«Дневник» был ориентирован прежде всего на текущую действительность, он был злободневен в самом непосредственном смысле. Но его «второй», подспудный, глобальный слой

---

¹²⁴ Дневник писателя. 1876. Февраль (О том, что все мы хорошие люди...) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 22. С. 39.

¹²⁵ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1–1 об. (письмо от 10 марта 1876 г.). В своей книге «Передуманное и пережитое» (М., [1912]. С. 63–72) Х. Д. Алчевская, публикуя ответные письма к ней Достоевского, помещает лишь одно своё письмо – от 19 апреля 1876 г. Однако если судить по её собственным воспоминаниям, таких писем было по меньшей мере три. Два из них (от 10 марта и 19 апреля), находящиеся в РГАЛИ, приводятся нами по подлиннику. Местонахождение третьего (хронологически – первого) письма неизвестно.

¹²⁶ Русская старина. 1892. Апрель. С. 206.

совершенно неотделим от этого «первого» слоя. Вся органика «Дневника» обусловлена нерушимостью этого единства.

Если выделить чисто событийный пласт «Дневника», он превратится в хронику, в политический комментарий, в фельетон, в ежемесячное обозрение, в серию очерков – он будет чем угодно, но только не тем, чем он являлся на самом деле. Если в свою очередь выпарить из этого слоя «идеологию», понимаемую как простую сумму политических убеждений, тогда придётся иметь дело с достаточно ординарной схемой, тем более фантастической и отвлечённой, чем дальше отнесена она от русла живого исторического потока. Такой подход начисто убивает феноменальность «Дневника» как явления русской культуры.

Читателя привлекала в публицистике Достоевского внутренняя сопряжённость её «глобальных» и «частных» сюжетов, её «тайная» устремлённость к некоему мировому идеалу. Сиюминутное «сейчас» и вечное «всегда» гармонизировались в «Дневнике» творческой волей его автора. Микрокосм неразрывно связан здесь с макрокосмом.

Поэтому в эпистолярной «Дневника» отклики на события мирового значения соседствуют с интимными признаниями юной гимназистки, филиппики крайних консерваторов уживаются с восторгами молодых людей, настроенных весьма радикально, исповеди самоубийц и откровения нераскаявшихся авантюристов чередуются с наставительными сентенциями почтенных отцов семейств.

В генезисе «Дневника» внешняя корреспонденция играла существенную роль. Летом 1876 г., посылая мужу письмо в Эмс, Анна Григорьевна обмолвилась, что на его имя пришло послание от «одного провинциала с грубыми примечаниями на твои статьи». И Анна Григорьевна пренебрежительно добавляла: «Не стоит пересылать»¹²⁷. Достоевский встревожился. «Напрасно, милочка, – отвечал он, – не прислала мне письмо того провинциала, который ругается. Мне это очень нужно для “Дневника”. Там будет отдел: “Ответ на письма, которые я получил”»¹²⁸.

И хотя подобный отдел так и не появился, Достоевский практически непрерывно вёл диалог со своей аудиторией – как на страницах «Дневника», так и путём личной переписки. «...[З]а всё время издания моего “Дневника”, – отмечал писатель летом 1877 г., – я получил и продолжаю получать много писем, подписанных и анонимных, столь для меня лестных и столь одобрявших и поддерживавших меня в труде моём, что, прямо скажу, я никогда не рассчитывал на такое всеобщее сочувствие и никогда не считал себя достойным того. Эти письма я сберегу как драгоценность и – что тут приторного, если я заявляю об этом печатно? Неужто дурно, что я ценю и дорожу общим вниманием? <...> Есть не согласные со мной в убеждениях, те прямо излагают свои возражения, но всегда серьёзно, искренно, без малейших личностей, и в подписанных, и в анонимных письмах, и я лишь жалею, что, по множеству получаемых писем, никак не могу всем ответить»¹²⁹.

В письме к Х. Д. Алчевской автор «Дневника» признаётся: «Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати. Право, не знаю, чем это объяснить: тут, прямо от читателя, – как бы более правды, как бы более *в самом деле*»¹³⁰.

¹²⁷ Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1976. С. 223. Очевидно, Анна Григорьевна имеет в виду письмо М. С. Черданцева от 23 июня 1876 г. из Петропавловска (см.: ИРЛИ. Ф. 100. № 29894. ССХІ6.13).

¹²⁸ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 109.

¹²⁹ Дневник писателя. 1877. Май – июнь (Об анонимных ругательных письмах) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 25. С. 126. У Достоевского никогда не было, как, например, у Льва Толстого, литературных секретарей (за исключением разве Анны Григорьевны); на обращённые к нему письма он отвечал собственноручно.

¹³⁰ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 75. Алчевская отвечала: «...так это и понятно: мне часто из-за пространств фельетонов разных “заурядных читателей” мерещатся пятачки, получаемые ими за строчки» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 4 об.).

Достоевский недаром выделил последние слова, для него чрезвычайно важно это «в самом деле». Ведь усилия автора «Дневника» были направлены как раз к тому, чтобы сокрушить невидимый вечный барьер, отделяющий того, кто пишет, от того, кто читает написанное, освободить печатное слово от тех условностей, на которые обрекает его публичность, сделать это слово интимным, максимально приближённым к каждому читателю в отдельности. В общем, – свести (а вернее – поднять!) печатную речь до уровня устной (или хотя бы эпистолярной) речи.

Достоевский ценил в читательских письмах не только искренность, но и сам способ её выражения. Однократность письменной речи, её единичность и неповторимость как бы восстанавливали в его глазах тончайшую, интимнейшую связь между словесностью и остальным универсумом, между литературой и не-литературой – связь, существовавшую во времена древних пророков и расторгнутую дальнейшим развитием культуры.

Собственно, сам «Дневник писателя» был печатной попыткой восстановить человеческое общение на «допечатном уровне», разрушить отчуждение, снять условности, присущие публичному собеседованию.

Для эпистолярной «Дневника» характерна та исключительно высокая степень свободы, с какой читатели обращались к его автору. Установка «Дневника» на интимность была точно оценена его аудиторией: тональность читательских посланий как бы корреспондировала с тональностью самого издания.

«Я получил сотни писем из всех концов России, – не без гордости признавался Достоевский, – и научился многому, чего прежде не знал... Во всех этих письмах если и хвалят меня, то всего более за искренность и прямоту. Значит, этого-то всего более и недостаёт у нас в литературе, коли сразу вдруг так горячо меня поняли. Значит, искренности и прямоты всего более жадуют и всего менее находят»¹³¹.

Прерывая двухгодичное издание «Дневника» для работы над новым романом, Достоевский тепло попрощался со своими читателями: «Я... прямо считаю многочисленных корреспондентов моих моими сотрудниками. Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та искренность, с которою все обращались ко мне»¹³².

Остановимся на тех письмах, в которых содержится оценка «Дневника» *как издания*.

«Ваша мысль гениальна...»

«Ваша мысль гениальна – издавать “Дневник”», – писал Достоевскому некто Гребцов из Киева¹³³.

Впрочем, имелось мнение совершенно противоположное:

Милостивый государь Фёдор Михайлович, не приходило ли Вам когда-нибудь в голову, что Вы своим изданием «Дневника» в ступе воду толчёте или, что то же, занимаетесь переливанием из пустого в порожнее? Если Вам это не приходило в голову, то для нас, читателей Ваших, это ясно как Божий день. И если мы пишем Вам настоящее письмо, то с искренним желанием посоветовать Вам бросить издание бесполезного и даже бесталанного «Дневника», а заняться сочинением повестей и романов, которыми Вы действительно

---

¹³¹ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 284.

¹³² Дневник писателя. 1877. Декабрь (К читателям) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 26. С. 126.

¹³³ Достоевский и его время. Л., 1971. С. 272.

доставляете удовольствие, а главное, пользу публике. С истин, и проч. Жигмановский, Андреевский¹³⁴.

За месяц до появления этого послания Достоевский сообщал в «Дневнике»: «Из нескольких сот писем, полученных мною за полтора года издания... лишь два письма оказались абсолютно враждебные». Однако во всей эпистолярной «Дневника» нам не удалось более обнаружить ни одного отзыва подобного рода. Отсюда следует, что, если бы мы захотели сравнить положительные и абсолютно отрицательные отклики на «Дневник писателя», мы не смогли бы этого сделать из-за фактического отсутствия последних.

Да, лишь в одном-единственном читательском письме был почти дословно воспроизведён уже известный нам тезис Скабичевского о том, что автору «Дневника» следует заниматься исключительно беллетристикой. Большинство читателей думало совершенно иначе. Тот же Гребцов пишет о «Дневнике»: «Все его любят – именно любят. Любят за то, что Вы просто, без всяких литературных форм приличий и обряда пишете как бы письма к знакомым... Вы просто, без учёной физиономии подходите к самым глубокомысленным вопросам, к тому, что у всякого наболело, и затрагиваете эти вопросы прямо, откровенно, без тени аффектации или “научности”»¹³⁵.

Последнее замечание знаменательно: «ненаучность» «Дневника» воспринимается читателями как момент сугубо положительный. «Я хочу прочесть тёплое, душевное письмо, – пишет А. И. Дейниковский из местечка Гадяч Полтавской губернии, – а такое слово я нашел только (да, почти только) в вашем “Дневнике”. Извиняюсь за сей P. S., в котором и дерзнул иметь суждение, я, уездный, недоучившийся учитель»¹³⁶.

Житель местечка Богач всё той же Полтавской губернии М. М. Данилевский полностью разделяет мнение своего земляка: «Признаюсь, что я узнал о Вашем “Дневнике” только в августе и с тех пор не могу оторваться от него; лучшего ничего я не читал. По-моему, Вы в “Дневнике” сразу возвысились над всеми писателями нашими, а может быть, и иностранными»¹³⁷.

Итак, если Жигмановский и Андреевский считают публицистику Достоевского полным падением, то другие читатели, наоборот, расценивают успех «Дневника» прежде всего как успех Достоевского-писателя.

Для развития этого успеха Достоевскому даже предлагается бескорыстная читательская помощь. «Коли нет у Вас фактов резких и поражающих, – пишет Гребцов, – заведите у себя корреспондентов; я на первый раз к Вашим услугам. Господи, сколько страшных возмутительных историй, сколько трагических и потрясающих случаев мог бы я Вам сообщить»¹³⁸.

Автор письма предлагает Достоевскому то, что практически уже осуществлялось на деле: целые главы «Дневника» вырастали порой из небольшого читательского отклика, из факта, из «случая»¹³⁹.

Впрочем, большинство корреспондентов просто выражали своё личное отношение к «Дневнику»: «Если бы можно было сейчас, сию минуту очутиться возле Вас, с какой радостью я обняла бы Вас, Фёдор Михайлович, за Ваш 1 февральский “Дневник”. Я так славно поплакала над ним и, кончив, пришла в такое праздничное настроение духа, что спасибо вам. Мать»¹⁴⁰.

¹³⁴ Волгин И. Л. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. С. 188–189.

¹³⁵ Достоевский и его время. С. 272.

¹³⁶ ИРЛИ. Ф. 100. № 29692. ССХІ6.4. Письмо от 6 декабря 1876 г.

¹³⁷ Там же. № 29690. ССХІ6.4. Согласно почтовому штемпелю, письмо отправлено 13 ноября 1876 г.

¹³⁸ Достоевский и его время. С. 273.

¹³⁹ Укажем несколько таких писем: С. Е. Лурье от 13 февраля 1877 г. (ИРЛИ. Ф. 100. № 29768. ССХІ6.7), Д. В. Карташова от 10 мая 1876 г. (Там же. № 29737. ССХІ6.7), К. И. Масляникова (РГБ. Ф. 93. Н.6.63), М. А. Юркевича от 11 ноября 1876 г. (ИРЛИ. Ф. 100. № 29911. ССХІ6.14).

¹⁴⁰ Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 181.

Такой тон вряд ли возможен при обращении в «обычный» журнал. Доверительность «Дневника писателя», его мощное, резко выраженное личностное начало, его высокое духовное напряжение, его исповедальность – всё это не могло не производить глубокого впечатления на читателя, уставшего от холодной риторики охранительной и либеральной печати.

Конечно, среди корреспонденции «Дневника», как и среди любой редакционной почты, попадают письма маловыразительные, а порой – и курьёзные. Так, некто О. З. Левин из Самары, излагая принципы совершенно новой, «открытой» им философии, просит писателя высказаться в «Дневнике» в пользу его, Левина, наукообразных идей. На этом письме Достоевский кратко пометил: «Доморощенный философ (вздор)»¹⁴¹.

Однако, как правило, речь в письмах идет о предметах достаточно серьезных. Это относится даже к тем самодеятельным стихотворным упражнениям, изрядное количество которых мы находим в архиве писателя.

Не будем высокомерно игнорировать эти неуклюжие откровения неистребимого поэтического духа. Ведь нас в данном случае занимают не столько творческие способности авторов, сколько то, как реальные исторические обстоятельства влияли на их музу, какие струны затрагивал в них «Дневник писателя».

Житель города Киева Агафангел Архипов пишет: «Не вините за экспромтное послание, вызванное отчасти и Вашим уважаемым “Дневником писателя”, которому, сказать мимоходом, я сочувствую вполне... О многом поговорить бы с Вами... Буду, если пожелаете, посылать Вам время от времени кое-что. Много, конечно, не обещаю, но будет достаточно, как, надеюсь, увидите сами».

Сделав такое обнадеживающее заявление, Архипов переходит от прозы к стихам. Они называются «Ф. М. Достоевскому (многоуважаемому автору “Дневника писателя”)»:

Всюду – грустные картины:
Поникая головой,
Тщетно ищем мы причины —
Отчего наш край родной,
Русский край патриархальный —
Эпопейный, идеальный,
Отчего он так упал...
Обносился, обветшал?...
В деревнях везде тоскливо:
Голод песен не поёт...
Только вот он, торопливо
В кабачок мужик идёт...
Там веселье разливное:
Молодецкое, хмельное,
Хлещет шумно, через край...
Вот он где, заветный рай!¹⁴²

Эти стихи любопытны тем, что они, по признанию их автора, вызваны чтением «Дневника». И если, например, киевлянин Гребцов пишет Достоевскому: «Вы слишком благодушны:

---

¹⁴¹ ИРЛИ. Ф. 100. № 29757. ССХІ6.7. Письмо от 15 апреля 1877 г. Прилагая к письму изложение своего сочинения «Единство физических сил с точки зрения гипотезы непрерывного творчества эфирных частиц из небытия на границах пространства», Левин говорит, что защищаемые им идеи «слишком жизненны для того, чтобы они прошли бесследно для истории развития русской мысли».

¹⁴² Там же. № 29641. ССХІ6.2. Письмо от 30 апреля 1877 г. На конверте помета Достоевского: «Стихи».

Вы словно игнорируете всю тьму и неурядицу»¹⁴³, то другого киевлянина – Архипова это кажущееся «благодушие» не может ввести в заблуждение. Стихи – в данном случае очень точный камертон.

Один читатель требовал от Достоевского более острой социальной критики. Другой – эту критику ощущал и даже откликался на неё стихами. И у того, и у другого имелись свои резоны.

От публицистики в её «чистом» виде действительно можно было бы ожидать большей остроты (вернее, большей определённости). Но «Дневник», как мы уже неоднократно отмечали, имел свою собственную «сверхзадачу», при осуществлении которой его автор стремился избежать «лобовых» решений. При этом критика, объективно присутствующая в «Дневнике», действовала особенно эффективно как раз в силу своей «художественной зашифрованности».

Но, может быть, «Дневник» оказывал столь сильное воздействие лишь на неискушённую провинциальную публику и оставлял вполне равнодушными людей, так сказать, более «литературных»? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к читателям такого рода.

Забытая ныне писательница К. В. Назарьева, признаваясь в своём «священном уважении» к Достоевскому, между прочим замечает: «Каждый выпуск Вашего “Дневника” будит столько хороших струн в нашем подавленном обществе, что нет слов выразить, как хороша Ваша мысль делиться с обществом теми впечатлениями, которые Вы получаете в течение месяца. Ваша “Кроткая” – это верх психического анализа страдания. Вы – поэт страдания. Вы самый симпатичный, самый глубокий наш писатель».

Назарьева, можно сказать, принципиально не отделяет «чисто» художественное творчество Достоевского от его «дневниковой прозы». Ей в голову не приходит препарировать Достоевского так, как это делают Скабичевский и другие критики. В своём письме она (совершенно естественно, «наивно»!) ставит публицистику «Дневника» в один ряд с «Бедными людьми» и «Кроткой»¹⁴⁴.

В юности знавший Достоевского профессор Харьковского университета Н. Н. Бекетов (брат деда А. А. Блока) пишет автору «Дневника»: «Фёдор Михайлович, пользуюсь правом, данным вами всякому читателю “Дневника” сказать несколько слов. Не забыл я вас, хотя было мне всего 19 лет, когда я с вами расстался – с тех пор вы всё продолжали ваш неустанный труд изучения человеческой души. Чтение ваших произведений – это беседа с собственной совестью – до того они имеют общечеловеческий всеобъемлющий смысл. Прекрасная явилась у Вас мысль делиться с публикою своим душевным сознанием всего творящегося вокруг нас»¹⁴⁵.

Один из постоянных корреспондентов Достоевского, упоминавшийся нами прозаик и критик Всеволод Соловьёв отзывается о «Дневнике» почти в тех же выражениях, что и весьма далёкие от литературы читатели: «Дорогой мой голубчик, Фёдор Михайлович, сейчас прочёл июньский “Дневник” Ваш и совершенно нахожусь под его впечатлением... Прочтя его один раз, я уже, кажется, помню наизусть каждое Ваше слово, мне хотелось бы просто съесть эту дорогую тетрадку»¹⁴⁶.

Следующее письмо тем более интересно, что оно не предназначалось Достоевскому. Его автор, поборник «провинциального возрождения» России, известный публицист К. В. Лаврский обращается к своей матери (документ обнаружен нами в архиве Н. Я. Агафонова): «Читали ли Вы... “Дневник”? Не правда ли, как хорошо! Какая прелесть “Мальчик у Христа на ёлке”, “Мужик Марей”. А как хороша одна из первых глав в февральском номере, где он говорит о своём взгляде на народ. Мне кажется, я его понимаю во всей глубине его чувств

¹⁴³ Достоевский и его время. С. 272.

¹⁴⁴ Письма К. В. Назарьевой полностью опубликованы нами в журнале «Вопросы литературы» (1971. № 9. С. 179–181).

¹⁴⁵ РГБ. Ф. 93. Разд. II. Картон 1. Ед. хр. 75.

¹⁴⁶ Письмо от 3 июля 1876 года // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 182.

и взглядов в этом отношении и потому чувствую к нему самое искреннее братское расположение...»¹⁴⁷

Чем же было вызвано это «братское расположение»?

От чего «отрезвлял» «Дневник писателя»?

Один из читателей «Дневника» (упомянутый выше М. М. Данилевский) к обычной просьбе о подписке прибавляет следующее: «При этом не могу удержаться, чтобы не выразить Вам искренней благодарности за то величайшее счастье, которое я чувствовал, читая Ваш “Дневник”, который заставлял и меня, и всех, кому я его читал, и плакать и смеяться. Мне приходилось по три раза прочитывать каждый номер, и каждый раз я испытывал одинаковую радость, что у нас есть такие великие писатели, отрезвляющие ум и сердце»¹⁴⁸.

«Отрезвляющие ум и сердце», – пишет Данилевский. Не сговариваясь с ним, то же самое слово употребил преподаватель учительской семинарии из города Торжка Н. Горелов: «Не могу не сказать Вам спасибо за искренние, прямые *отрезвляющие* речи»¹⁴⁹. И, наконец, А. Ф. Гусев, профессор апологетики христианства Казанской духовной академии: «Позвольте... пожелать Вам дальше и дальше давать публике то глубоко полезное, *отрезвляющее* чтение, которое предлагается в названном Вашем издании»¹⁵⁰ (курсив везде наш. – И. В.).

В чём же заключалось «отрезвляющее» воздействие «Дневника писателя»?

Горелов пишет: «...среди напущенного тумана ваши беседы всегда затрагивали прежде сердце, а затем вступал в свои права разум и просветлялся логичностью мысли беседующего». Признание это, несколько неуклюжее по форме, очень важно по существу: «Дневник» воздействует прежде всего «на чувство»; логическое выступает лишь «после» и как подтверждение «чувства». Читатель из Торжка, сам того не подозревая, постиг один из интимнейших секретов «Дневника», а именно – его «непублицистичность», антитеоретизм, его установку на целостное переживание. Иными словами – его «песенность».

«Под влиянием “Дневника”, – продолжает Горелов, – я сознаю, как я окреп во взглядах на самые дорогие стороны в жизни нашей родины; ваша любовь к народу и отечеству действовала на меня самым животворным образом»¹⁵¹.

И об этом же – причём опять-таки в очень схожих выражениях – говорит М. М. Данилевский: «Пусть же не перестанет Ваше перо просвещать нас тою горячею любовью к России, которая чувствуется в каждом слове Вашего “Дневника”. Нет, не мастер я выразить ту любовь к Вам, внушающему нам любовь к нашему отечеству! Дай вам Бог здоровья!»¹⁵²

«Дай бог, чтобы здоровье Ваше скорее поправилось, – вторит ему учитель Нарвской гимназии К. Галлер, – чтобы Вы могли опять продолжать свой “Дневник” и тем доставить многие приятные минуты Вашим многочисленным почитателям. Примите и от меня мою искреннюю признательность за все свежие и новые мысли, которые я вычитал из “Дневника”, где я особенно сочувствую Вашей любви к нашему простому народу, который и я привык любить и уважать, так как, родившись и проводивши детство в степях саратовских и самарских, я не мог не любить и уважать его...»¹⁵³

¹⁴⁷ Письмо от 21 марта 1876 г. // ИРЛИ. Ф. 13. № 275 (архив Н. Я. Агафонова).

¹⁴⁸ Там же. Ф. 100. № 26990. ССХІ6.4.

¹⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 70.

¹⁵⁰ РГБ. Ф. 93. Разд. II. Картон 2.

¹⁵¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 70.

¹⁵² ИРЛИ. Ф. 100. № 29690. ССХІ6.4.

¹⁵³ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 64.

Ни один – подчёркиваем это, ни один! – из корреспондентов Достоевского не заявляет о том, что в силу нашего традиционного устоявшегося представления о «Дневнике» мы могли бы ожидать. Никто из читателей «Дневника» не благодарит автора за отстаивание существующего порядка вещей или за поддержку каких бы то ни было охранительных взглядов. Никто не пишет, что под влиянием «дневниковой прозы» Достоевского он сделался, например, приверженцем тех идеалов, которыми руководствовалась правительственная власть.

Пишут о другом: о приятии взгляда Достоевского на народ, о своем сочувствии этому взгляду. «Ещё веришь, что настанет же когда-нибудь время, *когда начнут понимать русский народ или*¹⁵⁴, *по крайней мере, принимать его во внимание*», – передаёт свои впечатления от «Дневника» писательница А. И. Ишимова.

Знаменательно, что большинство читателей «Дневника» уловили в нём самое главное: именно то, что вопрос о народе ставится Достоевским во главу угла и с разрешением этого вопроса связывается всё будущее России. При всех политических спорах и меняющихся общественных обстоятельствах такое категорическое указание придавало идеологической системе Достоевского видимость социально-психологической определенности и нравственной достоверности.

Могут возразить, что оппоненты Достоевского «слева» – революционные народники – указывали в ту же сторону, что и автор «Дневника». Да, это совершенно справедливо. Но тут надо принять во внимание следующее обстоятельство.

Достоевский рассматривал народ в качестве источника и перводвижителя коренных социально-нравственных преобразований, которые должны были, по мысли писателя, осуществиться принципиально безреволюционным путем. Необходимо уяснить данный момент, ибо иначе мы не поймём ни истинных причин «неожиданного» успеха «Дневника», ни глубинной подоплёки большинства читательских писем.

Кто же были авторы этих писем? Выше мы уже касались этого вопроса. Теперь попытаемся взглянуть на него с другой стороны.

Воссоздавая картину общественного развития 1870-х гг., мы нередко оставляем за скобками весьма значительные по численности социальные группы, относящиеся, если употреблять термин самого Достоевского, к так называемому «среднему обществу». Эта очень неоднородная и политически достаточно аморфная масса мелких чиновников, учителей, сельских священников, земских врачей и т. д. и т. п. была крайне неустойчива в своих симпатиях и антипатиях. Ее гражданские идеалы были чрезвычайно расплывчаты и неопределённые, её собственные взгляды представляли нередко эклектическое соединение самых противоположных идей. Равно страшась крайностей реакции и революции, представители этих общественных слоев старались нащупать свой собственный, по возможности безболезненный путь.

«Дневник писателя» подавал надежду именно на это. Погружённый в текущее, он в то же время как бы отрешался от него. Он выводил реальные исторические противоречия в надисторическую сферу, разрешая их «в высшем смысле». Характерно, что рядовой читатель совершенно не чувствовал этого «отрыва» – именно в силу атеоретичности «Дневника», его «посюсторонности», насыщенности социально-бытовыми реалиями, его художественного реализма.

Можно поэтому сказать, что «Дневник писателя» в одно и то же время отрезвлял от иллюзий и вселял их. «Дневник» отрезвлял от нравственного индифферентизма, от самоуспокоенности и пренебрежительного отношения к народу. Не предлагая конкретного исторического решения, Достоевский пытался сформулировать наиболее общие этические пред-

---

¹⁵⁴ РГБ. Ф. 93. Разд. III. Картон 5. Ед. хр. 39. Письмо от 4 апреля 1877 г. Подчёркнутые Ишимовой слова – неточная цитата из февральского (1877 г.) «Дневника». Любопытно, что Ишимовой адресовано последнее письмо Пушкина, написанное им накануне дуэли.

посылки будущей «мировой гармонии». Но перенесение акцентов в нравственную сферу сообщает идеологической системе «Дневника» черты некоторой исторической иллюзорности.

Почему же большинство читателей «Дневника» не замечают этого? Дело, на наш взгляд, заключается в творческом методе «Дневника». Его концепция мира – прежде всего образ мира. Именно «художественность» (не только в чисто литературном, но и в идейном плане!) делает «Дневник» весьма уязвимым для строго рационалистической научной критики. Но, с другой стороны, именно «художественность» скрадывает логические обрывы и «неувязки» «Дневника» и придаёт его глобальным выводам высокую степень убедительности.

Отсюда можно понять, с какой надеждой ухватились за «Дневник» те, кто, колеблясь «между двух бездн», страшились сделать окончательный выбор и судорожно пытались найти опору в какой-либо «соединительной» концепции. Именно такую возможность и заключал в себе «Дневник писателя». Но заключал лишь постольку, поскольку его собственная идеология не могла воплотиться ни в одной из существующих политических доктрин. Как только Достоевский предпринимал попытку такого «воплощения» (а он их предпринимал), он удалялся комплиментов К. П. Победоносцева и Константина Леонтьева. Как только он отступал «назад» – к своим собственным идеалам, «в песню», – это вызывало инстинктивную насторожённость тех же Победоносцева и Леонтьева и неожиданную порой поддержку «слева». Останемся на этом вопросе несколько подробнее.

Консерватор или радикал?

«Такого цельного и полного консерватора я никогда не видел и не встречал, – вспоминает об авторе “Дневника” князь Мещерский. – Мы все были маленькими перед его грандиозною фигурой консерватора»¹⁵⁵.

Что ж, Мещерский не сообщает как будто ничего нового. Мнение о консерватизме Достоевского прочно укоренилось в историко-литературной традиции. Посмотрим, однако, как расшифровывает Мещерский в своих воспоминаниях этот достаточно общий тезис.

«Достоевский был враг современного женского вопроса, – пишет мемуарист. – ...А между тем эти стриженные и синеочковые девы, не подозревая ненависти к ним Достоевского, постоянно к нему лезли как к своему будто бы учителю»¹⁵⁶. И далее Мещерский «припоминает» разговор Достоевского с одной из его поклонниц. Выслушав посетительницу, автор «Дневника» якобы обращается к ней со следующим монологом:

Так вот что, слушайте меня, я буду кратче вас, вы много болтали... а я вам вот что скажу: всё, что вы говорили, пошло и глупо, понимаете вы, глупо: наука без вас может обойтись; а семья, дети, кухня без женщины не могут обойтись... У женщины одно призвание – быть женой и матерью... Другого призвания нет, общественного призвания нет и не может быть, всё это глупости, бредни, вздор...¹⁵⁷

Таким слогом изъясняется Достоевский в воспоминаниях князя. Ничего похожего, правда, мы не встретим у самого Достоевского. Это не его стиль, ибо писатель так не говорил.

Но оставим стиль на совести мемуариста. Быть может, он стремился прежде всего передать суть дела?

Обратимся теперь к первоисточнику. В майском «Дневнике» 1876 г. Достоевский высказывает свою «заветную идею»: в русской женщине, по его мнению, «заключена одна наша

---

¹⁵⁵ Мещерский В. П., кн. Мои воспоминания. Ч. 2 (1865–1881). СПб., 1898. С. 179.

¹⁵⁶ Там же. С. 180–181.

¹⁵⁷ Там же. С. 181.

огромная надежда, один из залогов нашего обновления». Далее автор «Дневника» пишет: «Допустив искренно и вполне высшее образование женщины, со всеми правами, которые даёт оно, Россия ещё раз ступила бы огромный и своеобразный шаг перед всей Европой в великом деле обновления человечества»¹⁵⁸.

Это нечто диаметрально противоположное тому, в чём с таким пафосом желает уверить нас Мещерский. Однако пойдём дальше – и сравним диалог, приводимый Мещерским, со сходным сюжетом в «Дневнике».

В июньском «Дневнике» за 1876 г. Достоевский излагает разговор с одной из своих посетительниц, молодой девушкой из Минска (С. Е. Лурье)¹⁵⁹. Автор «Дневника» пишет: «По уходе её (посетительницы. – И. В.) мне опять невольно пришла на мысль потребность у нас высшего образования для женщин, – потребность самая настоятельная и именно теперь, ввиду серьёзного запроса деятельности в современной женщине, запроса на образование, на участие в общем деле. Я думаю, отцы и матери этих дочерей сами бы должны были настаивать на этом, для себя же, если любят детей своих»¹⁶⁰.

Подобные взгляды для Достоевского отнюдь не случайны: они вытекают из общего характера его мировоззрения. Недаром, завершая свой «Дневник», на последней странице его последнего выпуска он пишет: «...может быть, русская-то женщина и спасёт нас всех, всё общество наше, новой возродившейся в ней энергией, самой благороднейшей жадой *делать дело* и это до жертвы, до подвига»¹⁶¹.

Эти слова не остались незамеченными. На имя Достоевского пришло письмо, которое в подлиннике занимает 30 страниц текста, написанного в высшей степени неудобочитаемым почерком.

Автором этого письма является князь Н. Н. Голицын¹⁶². Родившийся в 1836 г., Н. Н. Голицын в 1872–1875 гг. занимал пост подольского вице-губернатора, а позднее – начиная с 1879 г. – в течение четырёх лет был редактором «Варшавского дневника». Помимо многочисленных библиографических заметок, рассеянных в журналах 1860–1880-х гг., его перу принадлежит выдержавший несколько изданий «Словарь русских писательниц». (Что выглядит особенно пикантно, если учесть его отношение к «женскому вопросу».)

Политическая физиономия князя Голицына была весьма определённой. Он искренний единомышленник Мещерского, один из тех, кого его оппоненты «слева» относят к числу «дейтельных реакционеров» 1870-х гг. Тем любопытнее проследить его отношение к «Дневнику».

«Вы – искатель правды, – пишет Голицын, – вот права Ваши на всеобщее уважение в среде всех лагерей, всех партий!»¹⁶³ Однако, сделав подобный комплимент, Голицын спешит подчеркнуть, что он «далеко не разделяет всего, что говорилось в “Дневнике”», что он «далеко не согласен относительно многих и многих... из иллюзий “Дневника”»¹⁶⁴.

Какие же «иллюзии» не разделяет князь Голицын?

В первую очередь он обрушивается на Достоевского за его взгляды по женскому вопросу. «Да где она, русская женщина? – с негодованием вопрошает Голицын. – Где наши Зинаиды Волконские, Елагины, Ростопчины, те русские матроны, которые воспитывали славянофилов

¹⁵⁸ Дневник писателя. 1876. Май (Несомненный демократизм. Женщины) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 23. С. 28, 29.

¹⁵⁹ Об этой посетительнице см. нашу публикацию: Волгин И. Л. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. С. 181–182.

¹⁶⁰ Дневник писателя. 1976. Июнь (Опять о женщинах) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 23. С. 53.

¹⁶¹ Дневник писателя 1877. Декабрь (К читателям) // Там же. Т. 26. С. 127. См. также: Волгин И. Л. Последний год Достоевского. С. 252–256.

¹⁶² Род князей Голицыных / Сост. кн. Н. Н. Голицын. Т. 1. СПб., 1892. С. 193.

¹⁶³ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 2.

и богатырей сороковых годов? Где теперь русские матери? Разве эти <нрзб> и педагогички, учащие умственному разврату чуть не с пеленок?»¹⁶⁵

Весьма скептически относится Голицын и к стремлению русской молодёжи принять участие в освободительной борьбе славянских народов – стремлению, столь горячо приветствуемому на страницах «Дневника». «Меня не приводит в восторг, – пишет князь, – их стремление идти в Красный крест и лазареты, зная очень хорошо, что из них 80 % нигилисток, авантюристок, фельдшериц, акушеров, дочерей, живущих на воле и своевольно покинувших родной кров, жён – покинувших мужей, наконец, вообще, женщин эмансипированных и свободно гуляющих по белу свету».

В своей филиппике Голицын употребляет весь набор двусмысленностей, к которым прибегали в подобных случаях его единомышленники. Он приходит к заключению, что «русская женщина en masse пала до состояния последней умственной и физической блудницы, начиная от высших её сфер, куда быстро проникает подпольная интеллигенция, и кончая тою особою, которая стреляла в Трепова, и тем сонмом пропагандисток (или лучше сказать – публичных женщин), которыми красятся наши политические процессы»¹⁶⁶.

Мы коснулись здесь лишь одного пункта, по которому читатель «Дневника» столь горячо возражает его автору. Но подобных моментов в письме Голицына предостаточно. Особое возмущение вызывает у него то обстоятельство, что Достоевский считает событием кончину Некрасова, что автор «Дневника» не только выступил с горячей речью на могиле поэта, но и посвятил ему целые главы своего моножурнала. «К чему же эти проводы, – возмущается Голицын, – эта народная скорбь, этот шум, демонстрация... Я спрашиваю, к чему?... Хоронили сотоварища Чернышевского, “скорбный поэт”, “певец горя народного”, плаксивый деятель, скорбящий и охавший всю жизнь, хотя, кажется, ему следовало после 19 февраля настроить свою лиру или гармонику на мажорный лад... Некрасов был один из великих развратителей России, один из корифеев между её погубителями... и, разумеется, честь ему и слава, венки и слёзы... Какая мерзость!»¹⁶⁷

Возражения Голицына касаются не тех или иных частностей «Дневника», а, можно сказать, самых коренных вопросов. И тем не менее, несмотря на столь существенные расхождения, он числит Достоевского в своём стане и адресует к нему как к единомышленнику.

Теперь обратимся к читательскому письму совсем иного рода. Оно написано политическим эмигрантом – М. П. Драгомановым и послано, по всей вероятности, из Женевы. Драгоманов пишет: «Не найдёте ли Вы возможности печатно высказаться по поводу частного применения тех общих мыслей, какие высказаны в Вашем “Дневнике” и какие лежат в основе моих брошюр... Мы бы вряд ли сошлись во многом, если бы стали по порядку говорить о политическо-социальных вопросах, – но я позволю себе сказать, что в основе идей и чувств – Вы наш, хлопоман (т. е. народолюбец. – И. В.)»¹⁶⁸.

Осенью того же 1876 г. Достоевский получает ещё одно читательское письмо, автор которого скоро станет известен всей «подпольной России»: «Я скажу прямо, что жду от Вас помощи, а у меня в течение долгих лет наболела душа, и если теперь я решаюсь беспокоить Вас стонами, то потому что знаю, что лучшего врача не найду»¹⁶⁹.

Эти обращённые к Достоевскому строки принадлежат одной из тех «эмансипированных» женщин, чья деятельность вызвала такую ненависть князя Голицына. Через год автор этого письма будет перевязывать раненых в Болгарии (вспомним: «...меня не приводит в восторг

¹⁶⁵ Там же. Л. 4 об.

¹⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 4.

¹⁶⁷ Там же. Л. 7–8 об.

¹⁶⁸ Письмо от 26 сентября 1876 г. См.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935. С. 53.

¹⁶⁹ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. С. 52.

их стремление идти в Красный крест и лазареты»), а ещё через несколько лет войдет в состав Исполнительного комитета «Народной воли». Её имя – А. П. Корба. Хотя в 1876 г. она ещё не успела вступить на путь, поведший к царевубийству 1 марта 1881 г. и обрёкший её на долгие годы карийской каторги, ближайшая направленность её идейного развития не вызывает сомнений. И тот факт, что А. П. Корба ищет нравственной опоры в «Дневнике», по-видимому, не случаен¹⁷⁰.

В 1880 г. будущий великий физиолог И. П. Павлов пишет своей невесте: «Прочти, почти непременно “Дневник”. Достоевский заговорил в нём не хуже всякого радикала». И ещё через полгода: «Думала ли ты, моя дорогая, что наш Достоевский мог быть таким социалистом, радикалом!»¹⁷¹

Эти свидетельства современников дают основания утверждать, что в их глазах «Дневник» не выглядел неким ретроградным изданием. Подобную репутацию усердно создавала ему позднейшая, преимущественно либеральная критика (причём, как видим, не без помощи деятелей типа Мещерского).

Пожалуй, в истории русской журналистики мы больше не встретим примера, когда одно и то же издание вызывало бы столь противоречивые суждения. Каждый ищет и находит в «Дневнике» что-то своё. Так, Голицын и Драгоманов, будучи прежде всего политическими деятелями, обращаются к «Дневнику» как к «чистой» публицистике. Для них, как, впрочем, и для большинства газетных критиков, «Дневник» лишь сумма тех или иных взглядов, мнений, точек зрения. Им, по-видимому, не приходит в голову, что все эти «точки зрения» объединяются некоей внутренней доминантой, определяющей целостность «Дневника» и выводящей его за пределы традиционного публицистического жанра.

Как целостность воспринимали «Дневник» чаще всего именно рядовые читатели. Может быть, в силу своего непосредственного восприятия они угадывали в «Дневнике» то, чем он являлся на самом деле.

Без «последнего» слова

«Февральский №, – пишет Алчевская, – понравился нашему кружку ещё больше 1-го, особенно дело Кроненберга. Что же касается лично до меня, то отдавая ему полную справедливость, я тем не менее остаюсь верна рассказу “Мальчик у Христа на ёлке” и признаю это chef-d'oeuvre-ом “Дневника писателя”».

Обратим внимание: Алчевская ставит в один ряд художественный вымысел и действительный случай, ребёнка «придуманного» (герой рассказа «Мальчик у Христа на ёлке») и ребёнка реального (дочь Кроненберга). «Всё смешалось...» «Впрочем, – добавляет Алчевская, – и “Мужик Марей” мне очень тоже понравился и, говорят, что и то и другое я прочла с большим пониманием и увлечением на наших литературных вечерах»¹⁷².

На литературном вечере можно было прочесть «с большим увлечением» трогательную историю о замёрзшем мальчике, который попадает «к Христу на ёлку». Это – «литература». Но на литературном вечере немислимо «с увлечением» читать дышащую болью и гневом статью об истязаниях семилетней девочки. Ибо это уже «не-литература». Здесь нет катарсиса, нет очищения, нет ангелов, парящих вокруг потусторонней ёлки.

В «Дневнике писателя» жизнь и литература как бы растворялись друг в друге. Они не существовали рядом, подле, раздельно, а именно сливались, сталкивались, совоплощались.

¹⁷⁰ О А. П. Корбе и её возможной роли в «предсмертной коллизии» вокруг автора «Дневника» см.: Волгин И. Л. Последний год Достоевского.

¹⁷¹ Москва. 1959. № 10. С. 155, 177.

¹⁷² РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 56.

Реальный факт и факт художественный «работали» и взаимодействовали друг с другом в рамках единой системы, у которой – заметим это особо – нет аналогов в истории мировой журналистики.

Правда «в высшем смысле» была одна. Но – какая?

Л. Ф. Суражевская (псевдоним – Элес) пишет из Твери: «Вы хорошо говорите, т. е. Вы плачете хорошо и других плакать заставляете, только я желала бы знать, насколько и легче ли Вам от этих слёз? Ведь Вы же правду говорите, Вы не кокетничаете впечатлительностью. Вы всё это знаете, видели, чувствовали, что пишете, или как?» Страждущий понимает страждущего – и читательница «Дневника» услышала то, чего не хотели слышать многоопытные газетные критики.

«Ведь всё время, – пишет Суражевская, – Вы <нрзб> одну и ту же ноту, во всём всё то же настроение, мне кажется, недовольство жизнью, потребность другой, лучшей?» Читательница «Дневника» очень точно уловила его основную ноту – «недовольство жизнью», неприятие «лика мира сего». Почувствовала она и другое, не менее важное: потребность лучшей жизни. Впрочем, одна лишь потребность не в состоянии вернуть душевное равновесие корреспондентке Достоевского. Она желает знать не только «что», но и «как». И с поразительной, чисто женской интуицией она высказывает вдруг одно подозрение.

Она подозревает Достоевского в *незнании*.

Неужели Вы тоже *только спрашиваете* (курсив автора письма. – И. В.),
неужели весь смысл жизни терпеть... Отчего Вы ни разу не проговорились
ответною мыслью, хоть бы в виде предположения...¹⁷³

Вспомним: «Вот если бы г. Достоевский указывал, где взять капиталы...» Он знал другое. «Жизнь хороша, и надо так сделать, чтоб это мог подтвердить на земле всякий»¹⁷⁴.

В «Сне смешного человека» Достоевский устами своего героя скажет: «Потому что я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей»¹⁷⁵.

«Сон смешного человека» назван его автором «фантастическим рассказом». Мечта о «довольстве демоса» – «одна, положим, фантазия». Мысль об искренности в общественных вопросах – «фантастическая мысль». Слово это положительно преследует Достоевского.

Но преследует не одно лишь слово. Неотступна сама фантазия.

Как только автор «Дневника» заговаривал о своей положительной программе, – он становился «фантастом». Ибо его «программа» была проекцией в будущее. Он полагал, что это будущее органически вырастает из настоящего. На самом деле – оно отрицало настоящее.

Достоевский не мог не чувствовать этого. Может быть, оттого он и не желал сводить своё «как» к определённом образу действия, к формуле.

«Формулой» был весь «Дневник писателя».

Между тем ответ хотели найти в той или иной его главе. «...“Дневник” оставляет в вас какое-то неполное впечатление и всем нам кажется, что чего-то в нём нет»¹⁷⁶, – публично заявлял Скабичевский. Ему вторит в частном письме Гребцов: «Но вы не доводите до конца. Доведите – и успех будет громадный»¹⁷⁷. И, наконец, Суражевская: «Отчего Вы ни разу не проговоритесь ответною мыслью, хотя бы в виде предположения».

---

¹⁷³ ИРЛИ. Ф. 100. № 29938. ССХ16.15.

¹⁷⁴ Литературное наследство. Т. 83. 1971. С. 623.

¹⁷⁵ Дневник писателя. 1877. Апрель (Сон смешного человека) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 25. С. 118.

¹⁷⁶ Биржевые ведомости. 1876. № 36. 6 февр.

¹⁷⁷ ИРЛИ. Ф. 100. № 29682. ССХ16.3.

В последнем Суражевская ошибалась. Он «проговаривался» – и именно «в виде предположения». Но тут же сам называл свое предположение «фантастическим».

Доводить мысль до конца было опасно, ибо в структуре «Дневника» мысль не равна самой себе.

В своих воспоминаниях Всеволод Соловьёв приводит следующий эпизод. Автор воспоминаний узнаёт о намерении Достоевского завести «Дневник» – тогда ещё на страницах «Гражданина».

– Ведь это, – заметил я, – такая удобная форма говорить о самом существенном, прямо и ясно высказаться.

– Прямо и ясно высказаться! – повторил он, – чего бы лучше и конечно, о, конечно, когда-нибудь и можно будет; но нельзя, голубчик, сразу никак нельзя, разве я об этом не думал, не мечтал!.. да что же делать... ну, и потом, есть вещи, о которых если вдруг, так никто даже и не поверит...¹⁷⁸

Через несколько лет, в письме к тому же Вс. Соловьёву, автор «Дневника» развивает эту, по-видимому, совсем не случайную для него мысль: «Я никогда еще не позволял себе в моих писаниях довести *некоторые* мои убеждения до конца, сказать *самое последнее слово*. Один умный корреспондент из провинции (уж не Гребцов ли? – И. В.) укорял меня даже, что я о многом завожу речь в “Дневнике”, многое затронул, но ничего ещё не довёл до конца, и ободрял не робеть (курсив Достоевского. – И. В.)».

Далее Достоевский даёт следующее объяснение подобной недосказанности: «Поставьте какой угодно парадокс, но не доводите его до конца, и у вас выйдет и остроумно, и тонко, и *comme il faut*, доведите же иное рискованное слово до конца, скажите, например, вдруг: “вот это-то и есть Мессия”, прямо и не намеком, и вам никто не поверит именно за вашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое последнее ваше слово»¹⁷⁹.

Автор «Дневника» в сущности раскрывает здесь один из важнейших принципов своего миротворчества. Привнося в «Дневник писателя» элементы романного мышления, Достоевский тем самым распространял на эту дневниковую прозу наиболее общие закономерности своего художественного метода.

«Тот катарсис, который завершает романы Достоевского, – пишет Бахтин, – можно было бы – конечно, не адекватно и несколько рационалистично – выразить так: ничего окончательного в мире ещё не произошло, последнее слово мира и о мире ещё не сказано, мир открыт и свободен, ещё всё впереди и всегда будет впереди»¹⁸⁰.

«Последнее слово» не изречено и в «Дневнике». «Дневник» (как целое) открыт в будущее. Но будущее здесь фантастично, ибо оно не результат строгого научного расчета, не логически доказуемая возможность, а «всего лишь» надысторическая проекция, утопия, «песня». Как мы уже говорили, будущая действительность могла существовать в «Дневнике писателя», лишь отрицая действительность настоящую.

Но случалось, что «Дневник писателя» как бы отрицал самоё себя.

Рассмотрим один случай такого самоотрицания.

Февральский выпуск «Дневника писателя» 1877 г. заканчивался следующими словами: «Прежде, чем проповедовать людям: “как им быть” – покажите это на себе. Исполните на себе сами, и все за вами пойдут. Что тут утопического, что тут невозможного – не понимаю!.. А чистым сердцем один совет: самообладание и самоодоление прежде всякого первого шага. Исполни сам на себе прежде, чем других заставлять, – вот в чём вся тайна первого шага»¹⁸¹.

¹⁷⁸ Исторический вестник. 1881. № 3. С. 607.

¹⁷⁹ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 101–102.

¹⁸⁰ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 223.

¹⁸¹ Дневник писателя. 1877. Февраль (Русское решение вопроса) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 25. С. 63.

На этом февральский «Дневник», собственно, завершался. Но после всего, на самой последней странице следовал как бы *post-scriptum*:

В редакцию «Дневника писателя» пришло следующее письмо:
Милостивый государь Фёдор Михайлович!

12 января я послал на ваше имя 2 р. 50 к., прося Вас выслать мне ваше издание «Дневник писателя»; из газет я узнал, что 1 номер вышел 1-го февраля; сегодня уже 25 число – меж тем я ещё не получил его! Крайне интересно знать, что за причина этому факту? Не знаю, как для Вас, – а для меня подобный образ отношений к подписчикам кажется более чем оригинальным!

Если Вы вздумаете когда-нибудь выслать мне ваше издание – прошу адресовать: г. Новохоперск, врачу при городской земской больнице, В. В. К-ну.
Г. Новохоперск, 25.II.1877
*В. К-н*¹⁸².

Тут же Достоевский помещает свой ответ, с подчёркнутой безличностью названный «ответом редакции». Объяснив причины задержки (потери номеров на почте), автор «Дневника» заключал: «...Вы, милостивый государь, из всех предположений: почему мог не дойти к Вам номер, – выбрали не колеблясь одно, именно обман со стороны редакции. Это ясно из тона Вашего письма <...> Вследствие чего редакция спешит выслать Вам Ваши 2 р. 50 коп. обратно и просит уже более её не беспокоить. Принуждена же сделать это из понятного и естественного побуждения, которому Вы, милостивый государь, вероятно не удивитесь»¹⁸³.

Инцидент, казалось бы, исчерпан. Во всяком случае, на страницах «Дневника» мы больше не встретим об этом ни слова.

Однако переписка «редакции» с врачом из Новохоперска имела свое продолжение. В архиве Достоевского мы находим следующее письмо:

Многоуважаемый государь Фёдор Михайлович. Прочитав февральский выпуск «Дневника», я был тронут до глубины души Вашей проповедью о христианской любви и смирении. Сознаюсь, многое указали Ваши строки и невольно заставили задуматься и заглянуть в себя, даже скажу больше, когда я прочёл в конце следующие слова: «А чистым сердцем один совет: самообладание и самоодоление прежде всякого первого шага», – у меня при всей моей греховности пробил слеза умиления.

Но, увы! Перевернув страницу, я случайно увидел Ваш ответ на письмо доктора из Новохоперска, то невольно подумал, как часто бывает слово далеко от дела, даже у таких последовательных мыслителей, как Вы, Фёдор Михайлович!

Из Вашего ответа ясно видно, что Вы забыли и «самообладание» и «самоодоление» и глубокой тонкостью посрамили своего «ближнего» перед целым городком, где всякий промах собрата делается общим достоянием для смеха и пересудов.

Но буду краток. Я указал факт, который меня поразил своим противоречием, и далее предоставляю судить Вам, как специалисту в деле человеческих чувств и мыслей... Не желая отдавать своё христианское имя на посмеяние, подобно доктору из Новохоперска, фамилии подписать не

¹⁸² Оригинал этого письма сохранился (ИРЛИ. Ф. 100. № 29731. ССХI6.6). Его автор – Виссарион Васильевич Каверин.

¹⁸³ Дневник писателя. 1877. Февраль (Ответ на письмо) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 25. С. 64.

решаюсь, – если тут недоверие, то оно порождено Вами. Остаюсь почитатель
вашего таланта

NN.

Апрель 7 дня, Москва 1877¹⁸⁴.

Достоевский сделал на этом письме энергичную помету: «За доктора. Аноним. Отвечать в газете».

Он не ответил – ни в газете, ни в «Дневнике». Да и что он мог ответить? Читатели только «указали на факт», но сам этот факт таил в себе горькую насмешку. Автор «Дневника», столь горячо призывавший «исполнить на себе» мировую преобразовательную задачу, тут же нарушал свой нравственный призыв. Ибо не мог (не знал, *как*) «перевернуть страницу».

Позитивный идеал «Дневника писателя» не удавалось осуществить даже на микросоциальном уровне. Он оставался «песней».

Глава 6 С дозволения цензуры

«Возымев намерение...»

Пора, однако, воссоздать совершенно неведомую доселе цензурную историю «Дневника писателя». Попытаемся сделать это, опираясь на архивные документы и связывая воедино все факты, относящиеся к интересующему нас предмету.

Некоторые сведения, касающиеся ведомственной, административной стороны издания «Дневника», были опубликованы газетой «Новое время» от 28 января 1885 г. (№ 3204) в небольшой заметке, озаглавленной: «О “Дневнике писателя” покойного Ф. М. Достоевского». В заметке приводились отдельные выдержки из дел цензурного ведомства. Часть этих отрывков была перепечатана позднее в книге Л. П. Гроссмана¹⁸⁵. Общая схема издания «Дневника» со ссылкой на всё те же источники кратко изложена в примечаниях к 12-му тому Полного собрания художественных произведений Достоевского (1929)¹⁸⁶. Однако до сих пор не предпринималось попытки сопоставить эти материалы с «частной», закулисной стороной издания

---

¹⁸⁴ ИРЛИ. Ф. 100. № 29950. ССХІ6.15. Ср. с другим письмом аналогичного содержания (опубликовано нами в: *Волгин И. Л. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому*. С. 191–192): Милостивый государь Фёдор Михайлович! Не могу удержаться, чтобы не обеспокоить Вас выражением благодарности за удовольствие, полученное мною – а вероятно, и ещё многими – при чтении второй главы Вашего февральского «Дневника». Так кстати потолковали Вы, да ещё так хорошо потолковали, о грядущем царстве всеобщей любви. Но одно чувство благодарности не дало бы мне смелости приставать сейчас к Вам с нею. Видите ли, добрейший, в чём дело. Окончив дневник, я находился в очень приятном возбуждении: на нервы, измученные всем распорядком жизни, а теперь ещё подлым известием о процессе – из газет и из других источников (речь идет о «процессе 50-ти», проходившем в феврале – марте 1877 г. – *И. В.*), – на нервы как бы бальзам животворящий пролился; сладко так мечталось, что вот есть же на свете такие хорошие, умные люди, как автор «Дневника», что и ещё, пожалуй, найдутся добрые люди, что их всё будет прибывать, прибывать и наконец придёт время... И дёрнула же меня нелёгкая заглянуть в следующую страницу, где обретается Ваша переписка с новохоперским врачом. Ну, его письмо самое обыкновенное: человек живет в глуши, скучает, ожидает с нетерпением почты, чтобы насладиться, отдохнуть, освежиться беседою с любимым писателем; понятно, человек раздражается, не получая следуемого, ну и пишет глупое, пожалуй – дерзкое, письмо. Дело скучное, очень понятное. Ваш же, милостивый государь, ответ, признаюсь, совсем меня, да и многих, огорошил. Куда же, думаю, спряталась христианская любовь автора? Уж не фразы ли только вся его беседа, казалось, так прочувствованная? Вот какие печальные сомнения появились, вероятно, у очень многих, а должны бы явиться просто у всех после прочтения этой злополучной переписки. Прошу, однако, ещё раз извинения. Глубоко уважающий Вас подписчик (Письмо хранится: ИРЛИ. Ф. 100. № 29935. ССХІ6.15. На лицевой стороне конверта рукой Достоевского: «За доктора. Аноним. Зачем отдал деньги подп<исчику>?»).

¹⁸⁵ *Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах*. М.—Л.: Academia, 1935. С. 239, 240, 260.

¹⁸⁶ Разумеется, ныне подробные комментарии к «Дневнику» можно найти в посвящённых ему томах Полного (академического) собрания сочинений Достоевского.

– как с письмами самого Достоевского, так и с источниками, до сих пор не введенными в научный оборот.

Как следует из приводимого ниже документа, Достоевский вёл какие-то предварительные переговоры в С.-Петербургском цензурном комитете. Лишь прозондировав там почву, он обратился в вышестоящую инстанцию:

В Главное управление по делам печати
отставного подпоручика Фёдора Михайловича Достоевского
Прошение

Возымев намерение с будущего 1876-го года издавать сочинение моё «Дневник Писателя» ежемесячными выпусками, величиною от одного до полутора печатных листа в два столбца, в котором желаю помещать отчёт *о всех действительно выжитых впечатлениях моих как русского писателя, отчёт о всём виденном, слышанном и прочитанном*¹⁸⁷; желая в то же время объявить на издание моё годовую подписку (по 2 руб. без пересылки за все 12 годовых выпусков) и в то же время пустить его и в отдельную продажу по 20 копеек за экземпляр, я, ввиду замеченной С.-Петербургским цензурным комитетом в издании «Дневника писателя» периодичности, имею честь просить Главное управление по делам печати разрешить мне издание «Дневника писателя» с будущего 1876 года, на всех вышеизложенных условиях. При прошении имею честь представить гербовую марку.
Отставной подпоручик Фёдор Михайлович Достоевский.
*22 декабря 1875 года*¹⁸⁸.

Тогдашний начальник Главного управления по делам печати делает на полях этого прошения лаконичную помету: «Доложить о разрешении просьбы г. Достоевского. В. Григорьев»¹⁸⁹.

У просителя могли возникнуть вполне резонные опасения относительно своего замысла. Еще в 1860-х гг., как бывший политический преступник, лишённый возможности официально возглавить издаваемые им и его братом журналы «Время» и «Эпоха», допущенный к редакторству «Гражданина» с оговоркой, что «III-е Отделение не принимает на себя ответственности за будущую деятельность этого лица в звании редактора»¹⁹⁰, находившийся чуть ли не до конца дней под негласным надзором полиции, писатель имел причины для беспокойства.

Успеху задуманного предприятия, вероятно, в немалой степени способствовали хорошие личные отношения, установившиеся между Достоевским и В. В. Григорьевым. Как свидетельствует Анна Григорьевна, зимой 1872/1873 г. «Фёдор Михайлович... имел случай встретиться со многими лицами из учёного мира; с одним из них, В. В. Григорьевым (востоковедом), Фёдор Михайлович с особенным удовольствием беседовал»¹⁹¹. И позднее, занимая весьма значительный пост в правительственном аппарате, Григорьев не отказался употребить своё влияние в поддержку просьбы, прямо относящейся до его ведомства:

Доклад по Главному управлению по делам печати
М. В. Д. Отставной подпоручик Фёдор Достоевский обратился в Главное
управление по делам печати с прошением о разрешении ему издавать
сочинение его «Дневник писателя» ежемесячными выпусками и открыть на

¹⁸⁷ Эти слова подчеркнуты в тексте документа карандашом.

¹⁸⁸ См.: Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 292. С. 182–183. Прошение хранится: РГИА. Ф. 776. Оп. 5. 1875 г. Ед. хр. 132. Л. 1.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. 1875 г. Ед. хр. 132. Л. 1.

¹⁹⁰ Творчество Достоевского: Сборник статей и материалов / Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921. С. 67.

¹⁹¹ Воспоминания А. Г. Достоевской. М.—Л.: ГИЗ, 1925. С. 155.

издание одного подписку: за годовое издание – по 2 р. без пересылки, а за отдельный номер 20 коп.

Принимая во внимание, что предположенное к изданию сочинение г. Достоевского, как произведение одного автора, не может быть отнесено к повременным изданиям ввиду п. 2 ст. 1 гл. II Прилож. к ст. 5 (примеч. 4) Уст. Ценз. по прод. 1868 г. – я полагал бы возможным удовлетворить вышеизложенное ходатайство просителя с тем, чтобы сочинение это выходило с дозволения предварительной цензуры, каковое своё заключение и имею честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

*Исправляющий должность начальника Главного управления по делам печати
В. Григорьев.*

№ 6300. 27 декабря 1875 г.¹⁹²

Чем руководствовался Григорьев, обрекая писателя на жёсткий контроль предварительной цензуры? Как ни странно, но таково было желание самого Достоевского. Метранпаж типографии, где печатался «Дневник», М. А. Александров вспоминает: «Главное управление по делам печати, разрешая Фёдору Михайловичу издание “Дневника писателя”, предлагало ему выпускать “Дневник” без предварительной цензуры, под установленной законом ответственностью его как редактора, и при том, в виде особого для него исключения, на льготных условиях, а именно, без обычного залога, обеспечивающего ответственность, но Фёдор Михайлович отказался от этого, не находя ничего для себя заманчивого в том, чтоб “Дневник” его выходил без предварительной цензуры; он дорожил тем относительным покоем, на пользование которым он мог вполне рассчитывать при отсутствии в цензурном отношении ответственности. Притом он твёрдо был уверен, что цензура вообще совсем не будет иметь влияния на направление его “Дневника”...»¹⁹³

Достоевского нетрудно понять. Ещё не изгладились из его памяти прежние цензурные мытарства, начиная от запрещения «Времени» в 1863 г. до редакторства в бесцензурном «Гражданине», когда хлопоты и объяснения по поводу напечатанных статей не избавили редактора от двух суток ареста по приговору суда. Издатель «Дневника» хотел застраховать себя на будущее от подобных сюрпризов. Недаром Александров добавляет: «Объясняя мне своё нежелание выходить без “предварительной цензуры”, Фёдор Михайлович сказал, между прочим, что, выходя без цензора, надо самому быть цензором для того, чтобы цензурно выйти, а он по опыту знает, как трудно быть цензором собственных произведений»¹⁹⁴.

Кроме того, Достоевский понимал, что выгоднее давать материал цензору предварительно, чтобы не оказаться перед необходимостью перепечатывать готовую книгу «Дневника», – ведь это повело бы к серьёзным материальным издержкам. Так поступали нередко и другие издатели.

27 декабря 1875 г. на докладе Григорьева появляется краткая резолюция министра внутренних дел А. Е. Тимашева: «Разрешить»¹⁹⁵. 31 декабря Санкт-Петербургский цензурный комитет был официально уведомлён о таковом решении министра:

М. В. Д.

Главное управление по делам печати

31 дек. 1875 г.

¹⁹² РГИА. Ф. 776. Оп. 5. 1875 г. Ед. хр. 132. Л. 2–2 об.

¹⁹³ Русская старина. 1892. апрель. С. 203.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. 1875 г. Ед. хр. 132. Л. 2.

№ 6302.

С.-Петербургскому
цензурному комитету

Г<осподин> министр внутренних дел изволил разрешить отставному подпоручику Фёдору Достоевскому издавать сочинение его «Дневник писателя» ежемесячными выпусками и открыть на издание оно подписку: за годовое издание 2 р. с<еребром> без пересылки, а за отдельный номер 20 к., но с тем, чтобы сочинение это выходило в свет не иначе, как с дозволения предварительной цензуры.

Сообщаю о сем С.-Петербургскому цензурному комитету к надлежащему сведению.

*Исправляющий должность начальника Главного управления по делам печати
В. Григорьев. Правитель дел Ю. Богушевич.*

На документе имеется следующая помета: «Цензурирование поручено г<осподину> цензору Ратынскому, и билет на корр<ектурные> листы выдан 20 января за № 55»¹⁹⁶.

Итак, новорождённый журнал обрёл своего законного куратора и начал двухлетнее плавание по волнам столичной периодики.

Действительный статский советник

Если исходить из одних лишь официальных источников, то на протяжении всего 1876 г. мы не обнаружим следов каких-либо столкновений или неудовольствий как со стороны автора «Дневника», так и со стороны бдящего Ратынского. Может создаться впечатление, что всё шло без сучка, без задоринки и между писателем и его «опекуном» установилось полное взаимопонимание. Это впечатление как будто бы подтверждают доброжелательные воспоминания М. А. Александрова: «...цензор Николай Антонович Ратынский, цензурировавший “Дневник” почти всё время его издания, говаривал Фёдору Михайловичу в шутку, что он не цензурирует его, а только поправляет у него слог. Это значило, что иногда, вместо того, чтобы вымарывать что-либо неудобное просто цензурскою властью, он заменял одно слово другим и тем самым смягчал выражение фразы»¹⁹⁷. К этим словам Александрова редакция «Русской старины» делает следующее примечание: «Пользуемся случаем, чтобы помянуть добрым словом покойного Николая Антоновича Ратынского. Этот отлично образованный человек и весьма интересный собеседник, между прочим, был человек весьма обязательный, очень начитанный, горячо любил отечественную литературу и в особенности русскую историю»¹⁹⁸.

Как видим, фигура Н. А. Ратынского не лишена интереса. Но имеющиеся о нём в литературе сведения крайне скудны, и мы обратились к иным источникам. В архивохранилищах Ленинграда (С.-Петербурга) нам удалось отыскать послужной список этого сравнительно преуспевшего чиновника, который не пренебрегал в часы досуга и занятиями литературными¹⁹⁹.

Ровесник Достоевского (родился в 1821 г.), кандидат Московского университета, Ратынский начал свою карьеру в 1843 г. в звании коллежского секретаря при канцелярии С.-Петербургского военного генерал-губернатора и окончил её в 1887 г. в чине тайного советника и члена совета Главного управления по делам печати. Долгие годы Ратынский трудился в каче-

---

¹⁹⁶ Там же. Оп. 3. 1875 г. Ед. хр. 69. Л. 1–1 об.

¹⁹⁷ Русская старина. 1892. Апрель. С. 203.

¹⁹⁸ Русская старина. 1892. Апрель. С. 203.

¹⁹⁹ Ему принадлежат «Иезуиты» (Отечественные записки. 1844. Т. 32), «Памятная книжка Орловской губернии на 1860 г.», «Эпиграммы, шутки, послания Д. Т. Ленского» (Русская старина. 1880. Т. XXIX), «Двор и правительство в России сто лет назад» (Русский архив. 1886. № 2) и ряд других сочинений.

стве чиновника особых поручений при губернаторе Орловской губернии. Его привязанность к Орловщине объясняется, по-видимому, и тем, что в Дмитровском уезде этой губернии он владел имением в 185 десятин.

Порой Ратынскому приходилось выполнять довольно щекотливые поручения. Как следует из его формуляра, он «в августе месяце 1859 г. отправлялся для вразумления крестьян помещика Киреевского в Малоархангельском уезде»²⁰⁰. По-видимому, будущий цензор успешно справился со своей миссией, ибо «в сентябре месяце того же года вновь отправился по этому делу вместе с полковником жандармов Арцишевским». Став в некотором роде специалистом по крестьянским делам, Ратынский уже вполне компетентно «участвовал в обработке сведений для губернского комитета об улучшении быта крестьян»²⁰¹. Кроме того, он участвовал в «составлении замечаний на проект об устройстве уездной полиции» и был даже «одним из докладчиков сей комиссии и поручение это исполнил к удовольствию начальства»²⁰².

В 1866 г. Н. А. Ратынский был направлен «для исследования появившейся в г. Ломовец Кромского уезда раскольнической секты и поручение сие исполнил успешно»²⁰³. Таким образом, к 1872 г., т. е. к тому времени, когда действительный статский советник Н. А. Ратынский был «откомандирован для занятий» в распоряжение Главного управления по делам печати и назначен цензором С.-Петербургского цензурного комитета, он, помимо некоторых литературных заслуг, обладал довольно солидным служебным и житейским опытом.

С этим уже немолодым человеком судьба столкнула Достоевского в самом начале 1876 г., и Ратынский не без изящества дал почувствовать дистанцию между действительным статским советником и отставным подпоручиком, буде последний даже и знаменитый писатель. Его первое письмо к Достоевскому с достаточной выразительностью характеризует своего автора:

Милостивый государь Фёдор Михайлович!

Сегодня ночью в 12 часов пришел рассыльный из типографии Оболенского, достучался до моих дверей и требовал настоятельно у моего человека, чтобы меня разбудили для просмотра последних корректурных листов Вашего «Дневника». Человек мой его не послушался и хорошо сделал, потому что с воскресенья я чувствую себя нездоровым. Сегодня утром, в ту минуту, когда я шёл в церковь, этот же рассыльный явился за корректурой. Я сказал ему, чтобы он не приходил ранее сегодняшнего вечера и не осмеливался в другой раз стучать по ночам в дверь моей квартиры. Мне кажется, что он назойлив, потому что – франт: в бекеше с бобровым воротником и модных сапогах.

Между тем, возвратясь от обедни, я просмотрел корректуру и, не найдя в ней ничего противного цензурным правилам, считаю долгом для выиграния времени возвратить её прямо к Вам. Может быть, Вы найдете более выгодным переслать её немедленно в типографию. В противном случае благоволиите возвратить её мне с сим посланным – тогда она будет вручена вечером рассыльному. Извините, что беспокою Вас. С отличным уверением и преданностью имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою Н. Ратынский.

30 марта 76²⁰⁴.

²⁰⁰ О службе действительного статского советника Ратынского см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. 1872 г. Д. 8. Л. 131 об.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. Л. 133 об.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ РГБ. Ф. 93. Разд. II. Картон 8. Ед. хр. 16. Письмо № 1. Л. 1–2 об.

Но остережёмся делать поспешное заключение, будто неудовольствие Ратынского не простиралось далее бекеш и модных сапог назойливого рассыльного. Иначе неожиданным покажется следующее глухое признание в мемуарах того же Александрова: «Однако Фёдору Михайловичу, как автору, доводилось-таки, хотя и редко, испытывать неприятности по поводу более или менее крупных цензорских помарок. Бывало и так, что цензором запрещалась целая статья, и тогда начинались для Фёдора Михайловича хлопоты отстаивания запрещённой статьи: он ездил к цензору, в цензурный комитет, к председателю главного управления по делам печати, — разъяснял, доказывал... В большей части случаев хлопоты его увенчивались успехом, в противном же случае приходилось уменьшать объём номера...»²⁰⁵ Эти общие замечания Александрова вполне конкретно расшифровываются в записках к последнему самого Достоевского: «Михаил Александрович, цензор главу 2-ю запретил. Еду в Цензурный комитет»²⁰⁶.

Летом 1876 г., вернувшись из-за границы, Достоевский заехал на несколько дней в Старую Руссу, где находилась его семья. Там автор «Дневника» приводит в порядок свои записи, предназначавшиеся для сдвоенного июльско-августовского выпуска, и перебеленный текст высылает небольшими частями в типографию. Но с «Дневником» на сей раз происходят явные метаморфозы, и 23 августа Достоевский справедливо укоряет своего метранпажа: «А что же я Вам напишу насчёт цензурных вымарок, если я их не видал? Нечего делать, печатайте как есть без меня. И не грех Вам не писать мне, что именно вымарано? Вы пишете: часть главы, но которая? И много ли? Теперь, до приезда в Петербург, день и ночь буду думать, как на углах»²⁰⁷. Через день взволнованный и недоумевающий писатель добавляет: «Вся беда в том, что не знаю, что именно запрещено цензурою, в какой главе и какой номер»²⁰⁸.

До настоящего времени имела место некоторая путаница: что же именно было запрещено в июльско-августовском выпуске 1876 г.?²⁰⁹ Уже после выхода номера Достоевский писал одной своей корреспондентке: «Цензура выбросила печатный лист в самые последние дни...»²¹⁰ Хотя, по-видимому, многое удалось отстоять, на сей раз красные цензорские чернила, несомненно, оставили на живом теле «Дневника» глубокие следы. Но какие и где?

При всём уважении к таланту

Нам удалось найти перебеленный рукой Достоевского автограф неизвестной главки июльско-августовского выпуска «Дневника» 1876 г.: иными словами, наборную рукопись, хранящуюся в Российской государственной библиотеке. Теперь, после находки этого отрывка, мы в состоянии совершенно определённо установить его место в архитектонике всего выпуска. Отрывок помечен цифрой II и следует сразу же за словами: «...я, дескать, читаю, оставьте меня в покое». Но этими словами в опубликованном тексте оканчивается первая малая главка первой большой главы. Следовательно, выпущенный текст, озаглавленный «Нечто о петербургском Баден-баденстве», являлся не чем иным, как второй главкой первой большой главы. На автографе этой главки имеются следы типографской краски: значит, текст побывал в типографии и был запрещён Ратынским уже в корректурных листах. И рассеянность Александрова,

²⁰⁵ Русская старина. 1892. Апрель. С. 207.

²⁰⁶ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 138. То же: Достоевский Ф. М. Письма. Т. 4. С. 308. По мнению А. С. Долинина, речь идет об апрельском выпуске 1876 г.

²⁰⁷ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 122.

²⁰⁸ Там же. С. 123.

²⁰⁹ Ср. воспоминания М. А. Александрова в «Русской старине» (1892. Май. С. 301) с комментарием А. С. Долинина (Достоевский Ф. М. Письма. Т. 3. С. 371).

²¹⁰ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 125.

позабывшего упомянуть именно о запрещении главки «Нечто о петербургском Баден-баденстве», вызвала вышеприведённые сетования писателя²¹¹.

Но на этом злключения июльско-августовского выпуска не окончились. 27 августа Ратынский пишет Достоевскому записку, которую, по-видимому, он прилагает к возвращаемой им корректуре:

Будьте так добры, многоуважаемый Фёдор Михайлович, исключите из этой корректуры выражения «отцы отечества» и «похабность». Сия последняя, пожалуй, сойдет, но «отцы отечества», начинающиеся с тайных советников, под цензурою немислимы. Вы легко найдёте другое, соответствующее выражение, не испортив прекрасной Вашей мысли, а меня этим чувствительно обяжете.

*Искренно уважающий Вас Н. Ратынский.
27 августа 1876.*

Вместо «отцы отечества» нельзя ли хоть столпы отечества или что-нибудь в этом роде? На похабность можно махнуть рукою, но и её несколько смягчить следовало бы²¹².

В этой записке речь идёт о второй малой главке третьей большой главы июльско-августовского «Дневника». Его автор внял мягко-директивной просьбе своего «шефа» и переименовал название главки, которое звучало теперь так: «На каком языке говорить будущему столпу своей родины?»²¹³ Соответственно был изменен и сам текст: «О, конечно, карьера его не пострадает: все эти – родящиеся с боннами предназначаются своими маменьками непременно в будущие столпы своей родины и имеют претензию, что без них нельзя обойтись... Столпом своей родины он будет, конечно, ему ли не дослужиться...»²¹⁴ Пойдя навстречу требованию цензора, Достоевский смягчил политическую и социальную заострённость первоначального варианта.

Между тем злключения июльско-августовского «Дневника» продолжались. 29 августа Достоевский, посылая в типографию очередную часть текста «Дневника», сообщает метранпажу: «Многоуважаемый Михаил Александрович, к Ратынскому письма не прилагаю, но зато исправил всё по его желанию и указанию. Если надо будет, то поеду к нему сам»²¹⁵. Здесь необходимо исправить одну неточность, которая со слов Александра перекочевала в позднейшую литературу. Публикуя вышеприведённые слова Достоевского в «Русской старине» через 16 лет после описываемых событий, Александров делает к ним такое примечание: «Это говорится о статье под названием “Земля и дети”»²¹⁶. В комментариях к третьему тому писем Достоевского А. С. Долинин воспроизвёл это свидетельство Александра.

Нам представляется, что метранпажу просто изменила память. Ведь главка «Земля и дети» относится к четвёртой главе выпуска; Достоевский же имеет в виду скорее всего первые три главы. Сообщив, что он исправил «всё», писатель тут же продолжает: «Дальнейшую рукопись (глава четвертая, III и IV) при сем прилагаю...»²¹⁷

²¹¹ Подробнее: Фрагменты «Дневника писателя» / Публ., вступ. ст. и коммент. И. Л. Волгина // Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. См. Приложение.

²¹² РГБ. Ф. 93. Разд. II. Картон 8. Ед. хр. 16. Письмо № 2. Л. 1.

²¹³ Достоевский Ф. М. ПСС. 3-е изд. Т. 10. СПб., 1888. С. 256 (далее – Дневник писателя за 1876 г.). Даём «усечённый» текст «Дневника» по одному из старых изданий. В последнем Полном (академическом) собрании сочинений Достоевского восстановлены доцензурные варианты. См.: Дневник писателя. 1876. Июль – август (На каком языке говорить отцу отечества?) // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 23. С. 80–84; варианты см.: Там же. С. 263–266.

²¹⁴ Дневник писателя за 1876 г. С. 260–261.

²¹⁵ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 123.

²¹⁶ Русская старина. 1892. Май. С. 302.

²¹⁷ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29₂. С. 124.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.